

Rertemanah; на Kiy-Ciy въ Японіи на горы Onzen-dake и вулканъ Aso Iama, и на Сахалинѣ на хребетъ Пилингу. Въ результатѣ своихъ наблюденій авторъ даетъ три блестящихъ по картинности сравнительныхъ очерка: 1) Растительность горныхъ вершинъ Явы, 2) Растительность горъ южной Японіи и 3) Растительность о-ва Сахалина. Въ особенности интересенъ и богатъ содержаніемъ очеркъ горной растительности Явы. Свои очерки А. Н. Красновъ заключаетъ словами: совокупность этихъ наблюденій «мнѣ кажется, даетъ возможность утверждать, что изслѣдованія, болѣе полныя и детальныя ассоціацій растений здѣшнихъ горъ и переходныхъ областей могутъ пролить много свѣту на таинственный процессъ образованія флоры холоднаго пояса изъ тропическихъ. И мнѣ думается, что процессъ этотъ окажется такимъ же, какой былъ мною установленъ для пустынь Туркестана, т. е. естественный подборъ родовъ и видовъ, подходящихъ къ вновь создавшимся условіямъ,—подборъ, сдѣланный изъ элементовъ тропической растительности и—и параллельно съ нимъ идущее видоизмѣненіе, если хотите,—вырожденіе ряда формъ подъ вліяніемъ постоянно дѣйствующаго, постепенно усиливающагося вліянія такого фактора, какъ общее охлажденіе нагорныхъ и полярныхъ областей нашей планеты...»

Только-что упомянутые очерки А. Н. Краснова имъ были напечатаны въ одинъ годъ съ появленіемъ большой его работы, послужившей докторской диссертацией¹⁾, «Травяныя степи сѣвернаго полушарія» (Изв. И. О-ва Люб. Ест., Антр. и Этн., т. LXXXI, 1894). Эта работа, давшая автору искомую имъ ученую степень, въ общемъ была опять-таки мало оцѣнена въ русской литературѣ. Между тѣмъ, она выдѣляется въ литературѣ «степного вопроса» въ различныхъ отношеніяхъ. Прежде всего уже ширина масштаба изслѣдованія, захватывающаго дѣйствительно почти всѣ степи сѣвернаго полушарія, притомъ въ значительной степени на основаніи личныхъ наблюденій автора, ставитъ трудъ Краснова на особое мѣсто. Дѣйствительно, онъ и сейчасъ, черезъ 20 лѣтъ, является не только на русскомъ языкѣ, но и вообще, единственной по своей полнотѣ монографіей степей съ точки зрѣнія ихъ внѣшняго географическаго habitus'a. Глава же его, посвященная травянымъ степямъ Америки, представляетъ собой

¹⁾ Какъ-разъ въ той же II кн. «Землевѣдѣніе» за 1894 г., гдѣ помѣщена статья о Явѣ, находится и подробное описаніе диспута проф. А. Н. Краснова на степень доктора географіи. Въ немъ, между прочимъ, отмѣчено, что это «былъ первый докторскій диспутъ по географіи въ Россіи».

для русскаго читателя единственный источникъ для ознакомленія съ послѣдними. «Травяныя степи» интересны и со стороны попытки ихъ автора выяснить флористическій генезисъ элементовъ растительности различныхъ степей, вопросъ, представляющій высокое теоретическое значеніе и въ то же время до сихъ поръ остающійся почти не затронутымъ въ цѣломъ.

Какъ извѣстно, А. Н. Красновъ на основаніи своего сравнительно-географическаго метода приходитъ къ заключенію, что «самой главною и общей рѣшительно для всѣхъ степей чертой является равнинность» и что «въ этой равнинности и лежитъ какъ условіе самаго существованія степи, такъ и причина всѣхъ ея особенностей. Всѣ другія условія, выставлявшіяся другими изслѣдователями, суть по б. ч. лишь слѣдствія этой основной причины». Такъ, большее богатство солями степныхъ почвъ есть не причина образованія степи, а сопутствующій результатъ плохого ея дренажа, скопленіе же растворимыхъ солей одинаково вредно какъ для лѣса, такъ и для степи. Если степь въ силу плохого дренажа въ условіяхъ сухого климата переходитъ въ солонцы и пустыни, то и, наоборотъ, въ условіяхъ влажнаго климата она переходитъ въ луговую степь, сырой лугъ, травяное болото, тундру. Другими словами, для А. Н. Краснова степь есть лишь частный случай вообще *открытыхъ травянистыхъ пространствъ*.

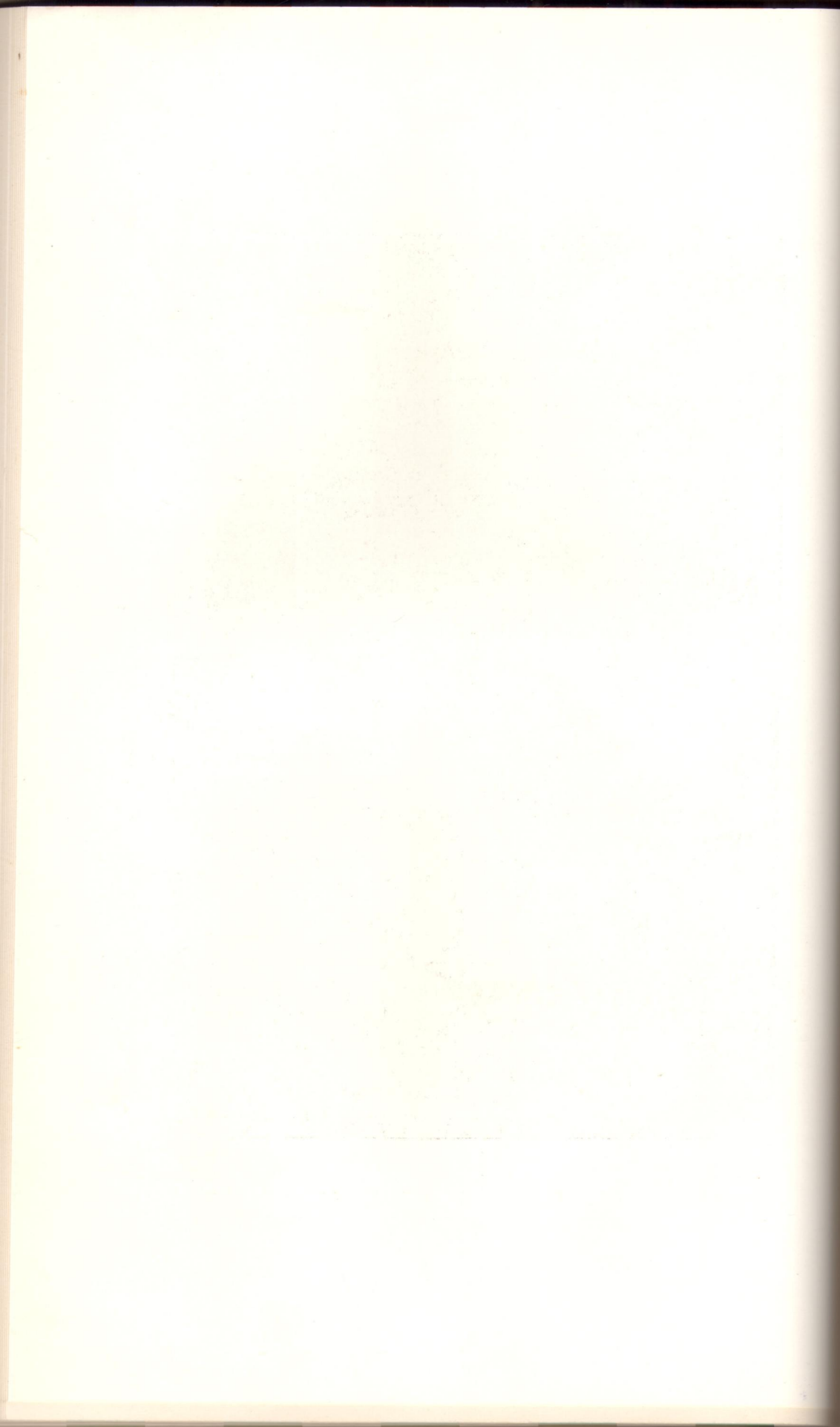
Взглядъ А. Н. Краснова не встрѣтилъ сочувствія, такъ какъ предлагаемая имъ универсальная формула для рѣшенія вопроса—равнинность рельефа и недостаточность дренажа, слишкомъ обща и не содержитъ въ себѣ достаточно конкретнаго элемента фізіологической причинности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя степь, съ одной стороны, обычно связана, дѣйствительно, съ *болѣе или менѣе* равниннымъ рельефомъ, тѣмъ не менѣе, отнюдь не всегда даже идеальная равнина обязательно и безлѣсна, а съ другой—равнинность пространствъ, занятыхъ степной растительностью, очень часто лишь относительная. Несомнѣнно, однако, что идеи Краснова мало обратили на себя вниманіе и потому, что онѣ далеко выходятъ за предѣлы обычнаго приема рѣшенія степного вопроса на основаніи ограниченнаго круга наблюденій, съ точки зрѣнія какого-нибудь одного частнаго принципа. А. Н. Красновъ, какъ тонкій наблюдатель, съ обширнымъ запасомъ опыта, не могъ не замѣтить, что то географическое явленіе, которое мы называемъ «степью», не можетъ быть сведено съ фізіологической точки зрѣнія къ какой-нибудь одной причинѣ, что условія «степи» чрезвычайно разнообразны и что въ природѣ болото, степь,

солонецъ, дѣйствительно не ясно разграничены и легко переходятъ другъ въ друга. Безспорно, дальше, изъ другихъ работъ Краснова, что онъ считалъ обычнымъ типомъ явленій—осыханіе заболоченныхъ пространствъ и превращеніе ихъ въ степь въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова. Разрубить этотъ гордіевъ узелъ степного вопроса Красновъ и думалъ своей формулой, но она, съ одной стороны, по существу все-таки не давала опредѣленнаго отвѣта, а съ другой—оттолкнула отъ его взглядовъ господствующую у насъ почвенную школу, для которой превращеніе болота въ степь до недавняго времени казалось чѣмъ-то такимъ невѣроятнымъ, что если бы его можно было воспроизвести прямо на глазахъ, въ кабинетѣ, то и тогда его отрицали бы....

Изъ работъ, послужившихъ исходными для принятія взгляда на степи, развитаго А. Н. Красновымъ въ его докторской диссертациі, нужно назвать его изслѣдованія для Полтавской губ., изложенныя въ «Матеріалахъ для флоры Полтавской губ.». (Труды О-ва Исп. Пр. И. Харьк. Унив., т. XXIV, 1891) и позднѣе въ статьѣ «Ботанико-географическій очеркъ Полтавской губ.» («Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Полтавской губ.», 1894), и для Харьковской губ.—«Рельефъ, растительность и почвы Харьковской губ.», 1893). Въ названныхъ работахъ авторъ даетъ общую характеристику типовъ растительности упомянутыхъ губерній съ точки зрѣнія ихъ развитія и связи съ почвами и рельефомъ. Особенно интересно написана послѣдняя. Къ недостаткамъ ихъ относится чрезмѣрная бѣглость матеріала и обычная для автора неточность. Но при оцѣнкѣ ихъ значенія и вообще заслугъ Краснова въ дѣлѣ изученія русской растительности нельзя не подчеркнуть съ особенной силой, что эти работы и сейчасъ остаются, если не единственными общими работами для названныхъ губерній, то во всякомъ случаѣ и до сихъ поръ основными, руководящими. И если мы припомнимъ, что подобныя работы, хотя бы и съ тѣми же недостатками, и по сейчасъ совершенно отсутствуютъ даже для такихъ губерній, каковы Московская, Кіевская, лежащія около старѣйшихъ Университетскихъ центровъ; что Красновъ, производя *ботаническія* изслѣдованія Полтавской и Харьковской губ., былъ представителемъ *кафедры географіи*; что, наконецъ, инициатива этихъ изслѣдованій исходила не отъ Университета и университетскихъ ученыхъ обществъ, а отъ земства и сельскохозяйственнаго общества, то для насъ будетъ безспорнымъ, что явно и тайно ироническое отношеніе, преслѣдовавшее работы Краснова при его жизни, должно смѣниться глубокимъ уваженіемъ къ его высокому образу вѣчно-матушагося

Проф. А. Н. Красновъ со студентами на Кавказѣ.

научнаго духа и сожалѣніемъ, что такой типъ ученаго у насъ, къ сожалѣнію, рѣдокъ...

Наиболѣе выдающимся ботанико-географическимъ трудомъ А. Н. Краснова, въ которомъ онъ синтезируетъ всѣ свои наблюденія и мысли въ этой области, безъ сомнѣнія, является его «Географія растений», входившая въ составъ широко задуманныхъ «Основъ землевѣдѣнія». Можно смѣло утверждать, что если бы названный трудъ появился на нѣмецкомъ языкѣ, то имя А. Н. Краснова въ Россіи пользовалось бы такой же авторитетностью въ ученыхъ кругахъ, какъ имя Варминга, Шимпера и т. п. Но такъ какъ онъ появился на русскомъ языкѣ, то вызвалъ лишь острую критику своихъ отрицательныхъ сторонъ, положительныя же стороны были совершенно не освѣщены и не оцѣнены.

«Географія растений» Краснова отмѣчена рѣзко индивидуальными чертами. Прежде всего въ ней послѣдовательно проведенъ принципъ исторической эволюціи. «Растительность земного шара есть плодъ чрезвычайно долгой и сложной исторіи развитія видовъ, подъ вліяніемъ измѣненія условій жизни, теперь еще продолжающагося. Группировка видовъ обусловлена не теперь только существующими условіями, но и бывшими. Центры формированія видовъ, хотя бы они были по условіямъ жизни одинаковы или аналогичны, даютъ виды далеко неодинаковые въ силу ихъ изоляціи другъ отъ друга. То же самое можно сказать и объ областяхъ угасанія древняго типа флоръ. Онѣ создались не сразу, онѣ также въ свое время представляли свои центры творенія и если за долгое существованіе этихъ флоръ характерныя черты ихъ сгладились, то онѣ сгладились не настолько, чтобы сдѣлать ихъ тождественными. Разныя области угасанія отличаются другъ отъ друга не только видами, сохранившимися отъ угасанія, но, повидимому, и группами, искони вѣковъ ихъ отличавшими другъ отъ друга»... «Всѣ флоры современности по сравненію съ флорами древними, третичными, представляютъ какъ бы продукты вырожденія этихъ послѣднихъ. Они бѣднѣе семействами, ихъ развитіе менѣе пышно. Не знавшая засухи и зимъ флора древнихъ геологическихъ періодовъ была флора вѣчно зеленыхъ растений... Но со середины третичнаго періода, мы все чаще и чаще начинаемъ встрѣчаться съ знакомымъ намъ типомъ деревъ съ опадающей листвою. Этотъ типъ является сперва въ околуполярныхъ странахъ, затѣмъ становится все чаще и чаще въ средней Европѣ и, наконецъ, проникаетъ почти до самыхъ тропиковъ. Почка есть первая стадія приспособленія для борьбы съ періодомъ холода, ее же мы встрѣчаемъ съ значительными,

впрочемъ, отличіями въ организаціи у растеній странъ съ періодически повторяющимися засухами. Но на ряду съ образованіемъ почекъ и опадающихъ листьевъ въ растительномъ царствѣ двухъ упомянутыхъ выше типовъ климатовъ наблюдаются и другія измѣненія. Цѣлый рядъ семействъ, какъ Compositae, Liliaceae, Cruciferae, Papilionaceae, оказываясь наиболѣе способными переносить засуху и морозъ, даютъ намъ большой процентъ выживающихъ формъ. Особенности организаціи растеній этихъ заключаются не только въ цѣлесообразности устройства цвѣтка, но и въ томъ, что они... обладаютъ способностью или давать *однолѣтніе побѣги...* или сокращать періодъ вегитаціи..., образуя типъ растенія однолѣтняго. Чѣмъ болѣе усиливаются крайности холодовъ и сухости, тѣмъ болѣе господство упомянутыхъ семействъ становится замѣтнымъ, тѣмъ болѣе рѣзкія черты принимаютъ упомянутыя выше приспособленія. Полярный климатъ и климатъ пустыни являются какъ бы предѣлами идущей въ этомъ направленіи эволюціи... Мы имѣемъ области, гдѣ эти крайности все еще усиливаются и достигаютъ наибольшихъ размѣровъ. Таковы арало-каспійская пустыня, горныя области центральной и субарктическія пустыни сѣверной Азіи. Тутъ, если можно выразиться, область агоніи растительной жизни. Если въ лицѣ субтропическихъ областей и влажныхъ нагорныхъ высотъ, мы имѣемъ дѣло съ *областями постепеннаго угасанія древнетретичныхъ формъ*, то тутъ мы имѣемъ дѣло съ *центрами творенія* новыхъ современныхъ растительныхъ видовъ». Эти идеи преемственности, угасанія, измѣненія, приспособленія и положены въ основу выдающагося труда Краснова и всего построенія изложенія. Онѣ же лежатъ въ основаніи и предлагаемой имъ интересной собственной ботанико-географической классификаціи, остающейся, какъ и вся книга, до сихъ поръ безъ вниманія со стороны русскихъ ученыхъ ¹⁾.

Подобное отношеніе къ произведеніямъ своихъ русскихъ выдающихся людей, характеризующееся какой-то боязнью признать ихъ хорошія стороны и стремленіемъ видѣть только отрица-

¹⁾ Такъ, напр., въ вышедшемъ въ 1914 г. переводѣ нѣмецкой книги П. Гребнеръ «Географія растеній» подъ ред. проф. М. Голенкина, сильно переработаннаго текстъ оригинала и пополнившаго его дополненіями на основаніи русскихъ источниковъ, «Географія растеній» А. Н. Краснова совсѣмъ вообще не упоминается. Какъ «единственное подробное руководство по географіи растеній на русскомъ языкѣ», приводится Гризебахъ «Растительность земного шара» (перев.), трудъ хотя и классическій, но вышедшій въ 1874—1877, написанный въ духѣ идей доэволюціоннаго періода и вообще безконечно устарѣвшій въ общемъ и въ частностяхъ.

тельное, въ данномъ случаѣ особенно бросается въ глаза потому что въ своей «Географіи растений» А. Н. Красновъ замѣчательнымъ образомъ во многихъ пунктахъ совпалъ съ воззрѣніями нѣмецкаго ботанико-географа Шимпера, трудъ котораго, вполне заслуженно получившій большую извѣстность, «Pflanzen-Geographie auf physiologischer Grundlage»¹⁾ вышелъ почти одновременно съ трудомъ Краснова. Объ этомъ сходствѣ во взглядахъ послѣдній говоритъ въ «Заключеніи» слѣдующее: «Въ біологическомъ отношеніи, равно какъ и по облику господствующихъ формъ, растительность земного шара гораздо удобнѣе дѣлится по климатическимъ группамъ, а не по отличіямъ въ систематическомъ составѣ и принятое нами дѣленіе къ нашему удовольствію нашло отголосокъ въ вышедшемъ въ свѣтъ въ моментъ печатанія этихъ заключительныхъ строкъ обширномъ трудѣ Шимпера, посвященномъ тому же вопросу. Мой уважаемый коллега, которому судьба дала возможность посѣтить большинство странъ, посѣщенныхъ мною, къ моему удовольствію приходитъ къ дѣленію флоръ очень близкому къ тому, которое предложено мною, и выводы, къ которымъ пришли 2 лица, работающія въ противоположныхъ концахъ Европы, независимо одинъ отъ другого, могутъ служить лучшимъ доказательствомъ ихъ справедливости»²⁾.

Между тѣмъ даже В. И. Липскій, хотя и подвергнувшій «Географію растений» Краснова рѣзкой критикѣ, тѣмъ не менѣе, въ концѣ-концевъ, признаетъ, что «въ русской литературѣ это все-таки пока единственная б. или м. полная... ботаническая географія». Въ «Новомъ Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Ефронъ (т. 13) въ статьѣ «Географія растений», принадлежащей В. Н. Сукачеву, «Географія растений» Краснова при длинномъ спискѣ иностранныхъ источниковъ опять-таки блистаетъ отсутствіемъ.

¹⁾ Въ литературномъ указателѣ, приложенномъ къ вышеупомянутому переводу Гребнера при трудѣ Schimper'a, стоитъ даже спеціальная отмѣтка редактора: «одно изъ важнѣйшихъ сочиненій по географіи растений».

²⁾ Эти слова Краснова подали поводъ одному изъ рѣзкихъ критиковъ—«уничтожителей» трудовъ его—Е. Чепурковскому («Ест. и Геогр.» 1911, № 5) бросить въ лицо тяжкое обвиненіе въ глубокомъ сознательномъ искаженіи истины. А именно, по словамъ названнаго критика трудъ Шимпера вышелъ не одновременно съ «Географіей» Краснова, а «на пять лѣтъ раньше», слѣдовательно, приблизительно въ 1894 г. На какія данныя опирается г. Чепурковскій, я не знаю. Насколько я лично могъ выяснитъ, годъ выхода въ свѣтъ 1-го изд. Schimper'a всегда датируется 1898. Между прочимъ, въ рецензіи «Географіи растений» Краснова (Тр. Бот. С. И. Юр. Univ., 1900, в. III), въ общемъ мало благопріятной, но и не закрывающей глаза на положительныя стороны, проф. М. И. Голенкинъ говоритъ: «Сходство взглядовъ проф. Краснова на принципы дѣленія флоръ земного шара со взглядами проф. Шимпера, высказанными одновременно съ нимъ, отмѣчаемое авторомъ, говоритъ въ пользу ихъ справедливости, а одновременно выхода книгъ о полной самостоятельности русскаго автора»..

Достаточно ближе познакомиться съ другими работами Краснова, легшими въ основаніе и его «Географіи», чтобы объективно убѣдиться въ правильности его словъ о независимости его взглядовъ отъ взглядовъ Шимпера. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не отмѣтить, при общемъ сходствѣ построенія того и другого труда, и существенныхъ различій. Если въ «Географіи растений» Шимпера физиологическій принципъ разработанъ гораздо глубже, чѣмъ въ «Географіи» Краснова, то зато въ ней отсутствуетъ элементъ исторической эволюціи, который придаетъ труду Краснова большую ширину и разносторонность. Кромѣ того, для насъ русскихъ послѣдній потому стоитъ ближе, что по понятнымъ причинамъ, онъ гораздо больше удѣляетъ вниманія русской растительности, притомъ на основаніи собственнаго опыта и первоисточниковъ, въ большинствѣ случаевъ оставшихся недоступными Шимперу. Если, наконецъ, принять во вниманіе, что многія страницы «Географіи» Краснова написаны поистинѣ увлекательнымъ языкомъ, то мы не можемъ не повторить высказаннаго уже раньше пожеланія (см. «Бюлет. Харьк. О-ва Любит. Прир.», 1915, № 1), что «ее нужно переиздать, тщательно проредактировавши и снабдивши необходимыми примѣчаніями и дополненіями»¹⁾. Это долгъ русскихъ ботанико-географовъ не только передъ памятью самого автора «Географіи», но и передъ русскимъ обществомъ и русской наукой.

Индивидуальную особенность «Географіи растений» А. Н. Краснова представляетъ также то вниманіе, которое онъ удѣляетъ культурнымъ растеніямъ. Это частью объясняется вообще его большимъ личнымъ знакомствомъ съ данной областью и любовью къ ней, частью же и правильнымъ по существу соображеніемъ, высказываемымъ имъ по другому поводу, что культурная растительность въ современномъ ботаническомъ ландшафтѣ играетъ съ каждымъ годомъ все большую роль и что описываемая въ книгахъ «ботанико-географическія области» все болѣе и болѣе превращаются въ нѣчто нереальное, историческое прошлое.

Нашу характеристику проф. А. Н. Краснова какъ ботанико-географа, мы закончимъ нѣсколькими словами по поводу его фито-палеонтологическихъ работъ. Его большое изслѣдованіе

¹⁾ Съ чувствомъ удовлетворенія приходится констатировать, что эта мысль встрѣчается уже сочувствіе среди русскихъ ученыхъ и есть основаніе надѣяться на ея осуществленіе (см. проф. *Н. И. Кузнецовъ* въ «Вѣстникѣ Русск. Флоры». 1916, в. I), точно такъ же говоритъ о переизданіи «замѣчательнаго труда» Краснова «Географіи растений», какъ о нравственномъ долгѣ товарищей покойнаго.

«Начатки третичной флоры Юга России» (Тр. О-во Исп. Пр. при И. Х. Унив., т. XLIV, 1911) вызвало въ свое время рѣзкую критику (см. Тр. Ботан. С. Юр. Ун., т. XIII, в. 1, 1912, реф. И. Палибина), въ которой подчеркивается большое количество дефектовъ и совершенно ничего не говорится о какихъ бы то ни было заслугахъ. Однако, изъ другой статьи того же автора («Къ вопросу о третичной флорѣ сѣвернаго Кавказа». Юбилейн. Сборн. въ честь 25-лѣтія научной дѣятельности проф. Николая Ивановича Кузнецова, 1913) видно, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя данныя А. Н. Краснова представляютъ безспорный научный интересъ. Если принять во вниманіе, что коллекціи, опредѣленные Красновымъ, сохранились, то, очевидно, что ошибки, допущенныя имъ, легко могутъ быть съ теченіемъ времени исправлены. Между тѣмъ, Красновъ съ обычной энергіей, взявшись за трудъ, предпринялъ рядъ поѣздокъ, собралъ значительный матеріалъ и, обработавши и опубликовавши его, далъ такимъ образомъ возможность для дальнѣйшаго движенія того же вопроса. Въ данномъ случаѣ наше вниманіе обращаетъ на себя другая сторона. Вопросъ о связи различныхъ элементовъ современной флоры России, въ особенности Кавказа, съ третичной флорой въ новѣйшей русской ботанико-географической литературѣ ставится на каждомъ шагу, но мы напрасно стали бы искать у авторовъ, касающихся его, активное стремленіе разрѣшить его наиболѣе правильнымъ путемъ—путемъ палеонтологическимъ. Самое большее, мы встрѣчаемъ ссылки на случайныя находки, сожалѣніе о скудости палеонтологическихъ данныхъ, и въ дальнѣйшемъ—умываніе рукъ и рѣшеніе сложнѣйшихъ проблемъ историческаго прошлаго поверхности земли на основаніи голыхъ фактовъ современнаго распредѣленія тѣхъ или другихъ видовъ. Кто же въ данномъ случаѣ больше грѣшитъ передъ наукой, они ли, или Красновъ, который не считалъ возможнымъ при рѣшеніи глубоко интересовавшихъ его всю жизнь вопросовъ исторической эволюціи стоять на подобной точкѣ зрѣнія и, не имѣя, вмѣстѣ съ тѣмъ, никакихъ основаній расчитывать, что за ту же задачу въ ближайшее время возьмутся специалисты-фитопалеонтологи, самъ взялся за работу въ чуждой ему области. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что этотъ трудъ Краснова является прежде всего глубокимъ нѣмымъ укоромъ русской фитопалеонтологіи, которая въ темпѣ своего развитія совершенно не удовлетворяетъ основнымъ запросамъ тѣсно примыкающей къ ней исторической ботанической географіи...

Фактъ общеизвѣстный, что мы, русскіе ученые, боимся признавать талантъ и значеніе за своими соотечественниками и ихъ

трудами, разъ они не засвидѣтельствованы предварительно Западной Европой. Будемъ же, по крайней мѣрѣ, теперь, когда рѣчь объ эмансипаціи русской науки у всѣхъ на устахъ, достаточно самостоятельными, чтобы видѣть въ своемъ не только дурное, но и хорошее. Не будемъ бояться назвать крупнымъ талантомъ за то только, что онъ имѣлъ рядъ отрицательныхъ сторонъ, и не будемъ отказываться отъ того умственного богатства, которое онъ намъ оставилъ, хотя бы и въ недостаточно обработанномъ видѣ! Возьмемъ на себя значительную часть отвѣтственности за его промахи, творчество же вѣчнаго безсмертнаго духа поставимъ на должную высоту! Тогда мы смѣло скажемъ нашимъ западно-европейскимъ товарищамъ, что въ лицѣ проф. Андрея Николаевича Краснова не только русская, но и вообще міровая ботанико-географическая наука потеряла выдающагося представителя, блестящаго синтетическаго мыслителя-художника, равнаго по своей потенциальной силѣ общепризнаннымъ корифеямъ науки!

В. Таліевъ.

А. Н. Красновъ, какъ географъ.

Когда были основаны кафедры географіи въ университетахъ, однимъ изъ первыхъ профессоровъ, занявшихъ эту кафедру, былъ А. Н. Красновъ. Большой подготовкой къ дѣятельности его, какъ географа, были его путешествія въ среднюю Азію, а кромѣ того, заканчивая за границей свою диссертацию, онъ готовился къ будущей дѣятельности профессора географіи, слушая цѣлый рядъ лекцій и работая по географіи и другимъ наукамъ, соприкасающимся съ ней. Оставаясь до конца жизни гео-ботаникомъ и работая въ этомъ направленіи, А. Н. ставилъ гораздо шире задачи ботаническаго изслѣдованія, чѣмъ простое флористическое изслѣдованіе данной мѣстности. Задачи же научной географіи А. Н. понималъ, какъ широкое обобщеніе всѣхъ соприкасающихся между собой научныхъ дисциплинъ. Въ его глазахъ географія была философской наукой, задачей которой является обосновать и поставить во взаимную связь всю совокупность особенностей данной мѣстности. Вся природа, вся окружающая картина данной мѣстности не есть только фонъ, на которомъ развертывается разнообразіе человѣческой жизни, а органическая часть послѣдней.

Такой взглядъ на географію, особенно когда при этомъ былъ уже большой матеріалъ личныхъ наблюденій, самыхъ различныхъ, невольно создавалъ большое разнообразіе дѣятельности А. Н. Это разнообразіе интересовъ и работъ вызывало подчасъ осужденіе и обвиненіе въ томъ, что А. Н. разбрасывается въ своей дѣятельности. Всѣ четыре основные элемента географическаго описанія: геологическое строеніе земли, выразившееся во внѣшнихъ формахъ, климатъ, растительный и животный міръ и жизнь человѣка, сливаясь въ одно гармоническое цѣлое, представляли для А. Н. сущность всякаго географическаго изученія. Можетъ быть, элементъ гео-ботанической и выступалъ на первый планъ, но это дѣлалось не произвольно. Этотъ перевѣсъ происходилъ не только, потому что А. Н. былъ ботаникомъ по своимъ начальнымъ работамъ, но скорѣе его душа вообще тяготѣла къ той грандіозной картинѣ, которую пред-

ставляетъ земля съ своимъ разнообразіемъ формъ поверхности и картина растительности, которая покрываетъ послѣднюю. Стоитъ только вчитаться въ его описанія природы, все равно какой, роскошной ли тропической, или скудной природы полупустынь средней Азіи, въ нихъ всюду чувствуется безконечная любовь къ природѣ и способность глубоко понимать и чувствовать ее. Это было личное качество души А. Н., а потому человѣческій міръ въ его работахъ отступаетъ на второй планъ. Онъ не былъ такъ близокъ А. Н., не интересовалъ его такъ, какъ остальные части географическаго описанія, а если интересовалъ то совершенно уже съ другой стороны, но не какъ антропологическій и этнографическій элементъ географіи. А. Н. иногда указывалъ на ошибочность сліянія такихъ двухъ наукъ, какъ антропология и географія, и ставилъ въ большую вину нѣкоторымъ антропологамъ проведеніе представленія о родствѣ двухъ столь различныхъ и по методу, и по объему изученія наукъ.

Въ своихъ географическихъ воззрѣніяхъ А. Н. примыкалъ къ школѣ съ наиболѣе широкими обобщающими задачами. Ученикъ нѣмецкихъ географовъ, А. Н. ушелъ отъ нихъ и ближе стоялъ къ французскимъ, изъ нѣмецкихъ же къ Филиппсону и Геттнеру. Школа чистыхъ гео-морфологовъ была по его мнѣнію школой черезчуръ узкой, она не охватываетъ всего понятія географіи; въ работахъ этой школы ему не хватало живой природы, всей біо-географіи. Только сопоставленіе всѣхъ различныхъ сторонъ, всѣхъ особенностей природы данной мѣстности, сводка ихъ въ одно цѣлое, результатомъ чего и получается полнота географическаго описанія, даетъ широкій взглядъ на отдѣльную ли страну, или на весь земной шаръ. Такая точка зрѣнія А. Н. на географію являлась наиболѣе обобщающей и вела къ философскому взгляду на всю совокупность фактовъ географіи, къ философіи ея—геософіи.

Свои взгляды на географію А. Н. проводитъ въ описаніяхъ тѣхъ мѣстностей, которыя ему приходилось посѣщать. Его большое путешествіе на востокъ для изученія чайныхъ округовъ дало ему возможность описать эти страны такъ полно, какъ ему хотѣлось, а не заниматься только изученіемъ обработки чая, съ чисто практической стороны. Результатомъ такого отношенія получилась полная картина природы Цейлона, Китая, Японіи, и на фонѣ этой гармонической картины вырисовывается культура субтропическихъ растений, которыя А. Н. такъ всегда старался перенести и въ наши русскіе субтропики, въ Батумскую область.

Но наиболѣе полно и подробно А. Н. излагаетъ свои взгляды на географію въ своихъ лекціяхъ и въ «Курсахъ землевѣдѣнія». Планъ его курса мало измѣнился отъ перваго изданія до послѣдняго, онъ скорѣе лишь расширялся и дополнялся. Въ чемъ можно упрекнуть всего больше этотъ курсъ, то, конечно, въ чрезчуръ обширномъ матеріалѣ. Въ большомъ курсѣ землевѣдѣнія трудно провести основную идею географіи—связи между твердой сушей, ея геологическимъ строеніемъ, климатомъ, вѣдѣйствіемъ внутреннихъ и внѣшнихъ факторовъ на созданіе формъ суши и зависимости всей живой природы отъ этихъ формъ. Гораздо проще, гораздо живѣе А. Н. это дѣлалъ при популяризаціи тѣхъ же самыхъ фактовъ, когда упрощалъ матеріалъ, приспособляя его для широкой аудиторіи. Въ такихъ случаяхъ этотъ оригинальный планъ выступалъ въ полной своей опредѣленности. Между прочимъ, въ такомъ видѣ онъ почему-то встрѣтилъ довольно сильную критику. Да и большой «Курсъ землевѣдѣнія» А. Н., какъ и многія другія его работы, не были встрѣчены дружелюбно. Онъ вызывалъ критику, подчасъ изумительно странную и придирчивую, какъ хотя бы критика Е. Чепурковского въ «Естествознаніи и Географіи» (1911. № 5).

Очень много можно было бы сказать о характерѣ работъ А. Н. Это были всегда работы спѣшныя и порывистыя; отсюда и проистекали всѣ ихъ недостатки. Постоянно занятый все новыми и новыми планами и работами, А. Н. обыкновенно и не могъ уже дать окончательную отдѣлку написанной работѣ. Далѣе у него не было погони за внѣшностью. Рисунки часто были или неудачно подобраны, или неудачно выполнены. Взять нѣсколько рисунковъ какой-нибудь мѣстности и выбрать изъ нихъ лучшіе, А. Н. не стремился и не имѣлъ времени. Самый языкъ его статей былъ хорошъ, когда онъ выливался у него непосредственно. Но отдѣлывать, выправлять, а тѣмъ болѣе посуществу передѣлывать свои статьи для А. Н. было очень трудно. Отсюда тѣ ошибки, тѣ «перепутанныя этикетки», на которыя нападали критики, при чемъ за внѣшними погрѣшностями, даже легко въ сущности устранимыми, не видѣли тѣхъ мыслей, тѣхъ идей, которыя заслуживали полнаго вниманія.

Другая большая работа А. Н. была его «Географія Россіи», написанная по-нѣмецки для изданія Kirchhoff'a «Географія Европы». Это описаніе Россіи построено въ духѣ Геттнера и Филиппсона, съ идеями которыхъ совпадаютъ и идеи А. Н. Вся задача его заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы на подробномъ описаніи геологически-морфологическаго устройства поверх-

ности дать картину страны, связанную съ ея климатомъ и растительнымъ міромъ, и показать, какъ при данныхъ условіяхъ развивалась жизнь человѣка и какія особенности послѣдняя представляетъ въ различныхъ частяхъ страны.

Другой работой, гдѣ на описаніи небольшой области А. Н. даетъ развитіе тѣхъ же излюбленныхъ идей, было изслѣдованіе Харьковской губерніи: «Рельефъ, растительность и почва Харьковской губерніи». Правда, вслѣдствіе спеціальной задачи, человѣческой элементъ здѣсь устраненъ. Такое устраненіе, однако, какъ бы отчасти возмѣщалось работами, дополнявшими этотъ необходимый элементъ. А именно: А. Н. предпринялъ работы по антропологическому изслѣдованію населенія Харьковской губ. Работа была напечатана въ «Географическомъ сборникѣ» кружка студентовъ-естественниковъ: «Объ антропологическихъ типахъ Харьковскаго уѣзда и г. Харькова». Другая болѣе полная — «Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ», напечатана въ Русскомъ Антропологическомъ Журналѣ, 1900 г. Эти работы не удачны; А. Н. не былъ антропологомъ и та самостоятельность двухъ наукъ географіи и антропологіи, на которой такъ настаивалъ А. Н., здѣсь сказалась. Задачи и методы ихъ такъ различны, сліяніе такъ искусственно, что все это и отразилось въ изслѣдованіяхъ населенія. Изслѣдовалъ А. Н. главнымъ образомъ только призывныхъ новобранцевъ. Въ самую невозможную погоду, подчасъ по ужаснымъ дорогамъ, отправлялся А. Н. на призывные пункты въ какое-нибудь село и здѣсь старался использовать матеріаль, который въ буквальномъ смыслѣ пролеталъ передъ глазами. Это и было слабой стороною изслѣдованія: можно было успѣть взять лишь два, три измѣренія и записать цвѣтъ глазъ и волосъ. Матеріаль получался слишкомъ недостаточный и слишкомъ малоцѣнный. Даже тогда, когда А. Н. пробовалъ дѣлать измѣренія цѣлыхъ проходящихъ партій новобранцевъ, то все же получались лишь небольшія партіи изборныхъ представителей мужскаго населенія различныхъ мѣстъ Россіи. Надо собственно удивляться той энергіи, какую проявлялъ здѣсь А. Н. Проѣхать поздно осенью, въ октябрѣ или ноябрѣ, куда-нибудь въ Ольшаны (село Харьковской губерніи), по отвратительной дорогѣ, ночевать въ самыхъ иногда неудобныхъ условіяхъ, чтобы въ результатѣ получить такой небольшой матеріаль, для этого нужна была дѣйствительно и большая энергія, и большая вѣра въ то, что добытыя данныя уяснятъ что-нибудь. Можетъ быть, здѣсь скрывалась очень глубокая психологическая особенность А. Н. Вѣчно увлекающійся, постоянно

занятый различными планами и идеями, все новыми и новыми, А. Н. чувствовалъ, что для многого не хватаетъ фактическаго матеріала. Онъ бросался за нимъ, но собрать его въ достаточномъ количествѣ у него не хватало ни возможности, ни времени. Ему вдругъ хотѣлось подтвердить ту или другую свою идею, и онъ начиналъ подбирать къ ней матеріалъ. Но нигдѣ недостатокъ послѣдняго такъ не чувствуется, какъ при антропологическихъ работахъ. Обслѣдована въ этомъ отношеніи Россія болѣе чѣмъ недостаточно. Какъ-разъ конецъ работъ А. Н. совпалъ съ такими трудами по антропологии, какъ работы Ripley и Деникера. А. Н., увлекаясь схемой распредѣленія расъ въ западной Европѣ то у одного автора, то у другого, желалъ продолжить эту схему и на востокъ. Въ короткое время получить антропологическія данныя въ большомъ количествѣ было не возможно, а мысль работала, схватывая по существу правильныя положенія.

Во время археологическаго съѣзда А. Н. занялся сборомъ этнографическаго матерьяла, главнымъ образомъ по матерьяльной культурѣ мѣстнаго населенія. Весь сборъ и вся работа его по этнографіи шли подъ сильнымъ увлеченіемъ нѣкоторыми нѣмецкими авторами—Фробениусомъ, Р. Андре и др. Въ данномъ случаѣ было одно изъ тѣхъ непродолжительныхъ увлеченій А. Н., которое заставило его броситься въ новую область. А. Н. всего больше интересовался и здѣсь идеей эволюціи: формъ одежды, жилища, предметовъ обихода и т. д. Это было приложеніе эволюціонныхъ идей общей этнографіи къ изслѣдованію мѣстной этнографіи и подборъ матерьяла согласно съ этой идеей. Кажется, ни въ одной научной области А. Н. не былъ понять такъ мало, какъ въ этой. Его статья о постройкахъ Харьковской губ., съ массой фотографій, была возвращена съ просьбой обработать болѣе научно. Кромѣ подбора матеріала, А. Н. хотѣлъ показать въ этой работѣ очень интересный ходъ постепеннаго развитія городского мѣщанскаго домика изъ простой малорусской хаты путемъ послѣдовательныхъ измѣненій отдѣльныхъ частей. Его очень огорчило возвращеніе статьи, онъ жаловался и указывалъ на требованіе обработки, совершенно излишнія требованія обстоятельнаго литературнаго предисловія, сводки литературы. То и другое, по мнѣнію А. Н., было не нужно, даже совершенно излишне въ подобной статьѣ. Остальной этнографическій матеріалъ послѣ этой неудачи остался не обработаннымъ. Статья о постройкахъ попала въ какой-то иллюстрированный журналъ и осталась тамъ никому

неизвѣстной, а для читателей того журнала совершенно не нужной.

Въ дѣятельности А. Н., какъ географа были два очень интересныя начинанія съ чисто педагогической стороны. Это его студенческія экскурсіи и студенческой географической кружокъ. А. Н. стоялъ на точкѣ зрѣнія, что преподаваніе географіи безъ экскурсій теряетъ наполовину свое значеніе. Какъ бы ни иллюстрировать лекціи фотографіями, картинами и картами, это остается до извѣстной степени мертвымъ матеріаломъ, если не представляется возможности показать то же самое въ природѣ. А. Н. былъ хорошо знакомъ съ постановкой преподаванія географіи за границей, гдѣ экскурсіи идутъ постоянно, какъ обычное дополненіе къ университетскому курсу. Осуществленіе экскурсій за границей облегчается и разнообразіемъ ближайшихъ окрестностей, и возможностью при весьма непродолжительномъ переѣздѣ достигнуть, очень интересной мѣстности. Переѣздъ одной ночи достаточенъ, чтобы попасть въ центральныя части Альпъ даже изъ сравнительно отдаленныхъ университетскихъ городовъ. Но при организации экскурсій въ Харьковскомъ университетѣ А. Н. встрѣтился съ цѣлымъ рядомъ трудностей. Первая изъ нихъ—это громадное разстояніе, отдѣляющее Кавказъ отъ Харькова, Кавказъ же А. Н. выбралъ для экскурсій, какъ мѣстность, дающую наиболѣе разнообразный и цѣнный матеріалъ для демонстрацій. А. Н. выхлопоталъ для первыхъ экскурсій даровой проѣздъ, и эти льготы по желѣзной дорогѣ (тогда не существовало совсѣмъ еще льготнаго проѣзда для экскурсій) только и дали возможность съ небольшими затратами совершить экскурсіи. Небольшую матеріальную помощь далъ и университетъ. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, столь далекая экскурсія обходилась очень дешево. Но другое трудное условіе А. Н. не удалось, конечно, побѣдить—это отдаленность разстоянія. При экскурсіи въ двѣ недѣли надо было терять еще третью на переѣздъ туда и обратно, что отзывалось на продуктивности работы, сильно утомляя экскурсантовъ. Для экскурсій А. Н. сначала бралъ Военно-Грузинскую дорогу, а потомъ остановился на Военно-Осетинской, какъ болѣе показательной. Очень тяжелой стороной этихъ экскурсій была полная неподготовленность данныхъ дорогъ къ прохожденію ихъ съ экскурсіей. Ихъ можно проѣхать, не останавливаясь, т. е. безъ всякой пользы, а дѣлать остановки было очень трудно и тяжело по полной неприспособленности станцій для ночлега. А. Н. время отъ времени жалуется на усталость студентовъ во время экскурсій и на то, что изъ-за усталости пропадаетъ всякій

научный интересъ, и экскурсія не даетъ всей той пользы, которую могла бы дать. При созданіи и организаціи этихъ экскурсій приходится опять-таки удивляться той энергіи А. Н., съ какой онъ взялся за это трудное дѣло, и его организаторскому таланту, т. е. тѣмъ качествамъ, которыя были въ немъ всегда такъ ярко выражены.

Географическій студенческій кружокъ былъ созданъ А. Н., какъ дополненіе къ его лекціямъ, замѣняя обычный семинарій, но въ отличіе отъ послѣдняго, кружокъ привлекалъ къ себѣ студентовъ и другихъ факультетовъ, которые интересовались географіей, антропологіей и этнографіей. Кружокъ то соби-рался, то замиралъ на нѣкоторое время, то опять возобновлялся, смотря по тому, было ли достаточное количество участниковъ, были ли доклады, а, главное, насколько у А. Н. хватало времени и энергіи для кружка. Онъ былъ безспорно душой и вдохновителемъ работъ. Работы давались въ видѣ рефератовъ о различныхъ вновь вышедшихъ сочиненіяхъ на русскомъ или иностранномъ языкахъ, иногда являлись отчеты объ экскурсіяхъ, и даже доклады о самостоятельныхъ работахъ и изысканіяхъ. Самыя засѣданія велись А. Н. и отличались полной непринужденностью и большимъ оживленіемъ; это была живая совмѣстная работа и прекращеніе ея или перерывъ вызывали всегда большое огорченіе.

Въ статьяхъ А. Н. есть еще одна очень интересная сторона. Его статьи зачастую носятъ извѣстную долю публицистики, которая какъ-то прокрадывается всюду. Это, пожалуй, придаетъ имъ даже еще большую живость. При описаніи чужихъ, далекихъ странъ у А. Н. постоянно являются сравненія, сопоставленія съ Россіей, но такого рода сопоставленія не есть просто выясненіе незнакомаго матеріала путемъ сравненія съ болѣе знакомымъ, близкимъ. При всѣхъ такихъ параллеляхъ какъ то проскальзываетъ у А. Н. желаніе отмѣтить тѣ или другія стороны, какъ лучшія, чѣмъ въ Россіи, какъ желательныя для заимствованія и подражанія изъ быта и жизни далекихъ странъ. Иногда кажется, что нападая на недостатки, или же пользуясь сравненіемъ, А. Н. желаетъ указать на слабыя стороны русской жизни и подчеркнуть аналогичные недостатки русской жизни, или намѣренно преувеличиваетъ всѣ хорошія стороны, чтобы показать ихъ отсутствіе въ русской жизни. Во всѣхъ этихъ нападкахъ чувствуется желаніе исправить недостатки, внести улучшеніе. Такое отношеніе автора къ матеріалу дѣлаетъ его очерки весьма жизненными, но зато и очень субъективными, съ очень большимъ личнымъ элементомъ. Примѣровъ подобнаго

отношенія можно было бы привести довольно много и въ описаніи «Чайныхъ округовъ Азіи», и въ описаніи жизни Сандвичевыхъ острововъ, да и въ другихъ небольшихъ очеркахъ.

Только, сопоставляя всѣ разнообразныя работы и начинанія А. Н., можно ясно представить, какія различныя области онъ затрагивалъ, какъ ко многому его влекло. Получалось разбрасываніе, быстрый переходъ отъ одного къ другому въ ущербъ углубленію въ данный вопросъ, въ ущербъ его детальной разработкѣ. Это было главное отрицательное качество дѣятельности А. Н., которое порождало у него спѣшность работы, обиліе опечатокъ и недосмотровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывало рѣзкую критику, обвиненіе въ небрежности и поверхностности. А между тѣмъ, какую массу идей, мыслей будятъ всѣ эти работы, сколько различныхъ начинаній, очень интересныхъ, разбросано въ нихъ мимоходомъ! Въ каждой книгѣ А. Н. интересовалъ не новый матеріалъ, не разработка подробностей, а новая мысль, которую онъ подхватывалъ, бросалъ своей аудиторіи, пропагандировалъ. Обиліе мыслей, блестящихъ идей, которыми увлекался и самъ А. Н., составляетъ главную цѣнность всѣхъ его работъ, всей его дѣятельности и далеко искупаетъ всѣ тѣ недочеты, на которые обрушивались критики.

А. Покровскій.

Просвѣтительная дѣятельность проф. А. Н. Краснова среди рабочихъ.

Въ концѣ девяностыхъ годовъ минувшаго вѣка среди рабочихъ на харьковскихъ фабрикахъ и заводахъ стало извѣстно, что при мастерскихъ желѣзной дороги открылись вечерніе курсы. Рабочіе, начиная отъ подростковъ до лицъ съ многочисленными уже семьями, забывая изнурительную усталость 10-тичасовой работы въ душныхъ, пыльныхъ и грязныхъ помѣщеніяхъ, спѣшили послушать лекціи. Не смущались при этомъ и дальнимъ разстояніемъ и шли, напр., изъ района паровозостроительнаго завода до желѣзнодорожныхъ мастерскихъ 40—50 минутъ. Но интересъ къ этимъ лекціямъ возросъ чрезвычайно, когда сталъ читать лекціи проф. А. Н. Красновъ. Рабочіе безошибочно увидѣли въ А. Н. «необыкновеннаго», «безкорыстнаго»¹⁾.

Черезъ 2—3 года открылись курсы для рабочихъ при ремесленномъ училищѣ на Петинской улицѣ²⁾. Лучшая пора этихъ курсовъ неотдѣлимо связана съ именемъ А. Н. То была пора, когда умственная атмосфера рабочихъ была, можно сказать, насыщена научными интересами. Нерѣдко можно было встрѣтить группы рабочихъ, въ которыхъ обсуждались вопросы изъ области геологіи или ботаники, изъ астрономіи, географіи, исторіи, политической экономіи и т. д.

А. Н., излагая ту или другую научную дисциплину, всегда стремился давать слушателямъ истинное знаніе, которое, какъ онъ всегда говорилъ, должно быть свободно и отъ политическихъ, и отъ партійныхъ, и отъ религіозныхъ тенденцій. Лекторъ,—утверждалъ А. Н.,—излагая свой предметъ, не долженъ приспособляться къ тѣмъ или инымъ воззрѣніямъ слушателей и общества, онъ долженъ неуклонно стремиться къ истинѣ,

¹⁾ См. «Южн. Край» 24 декабря 1914 г. статья Бѣланова.

²⁾ Очеркъ исторіи этихъ курсовъ см. въ «Трудахъ созданнаго Харьковскимъ О-вомъ Грамотности 7—12 іюня 1915 г. въ г. Харьковѣ съѣзда по организаціи разумныхъ развлеченій». 1915 г.; докладъ Совѣта Рабочихъ Курсовъ.

становясь выше всего временного и случайного. Слушатель долженъ получать на лекціи чистыя знанія, а какъ онъ будетъ примѣнять это знаніе въ жизни—это его личное дѣло.

Такая точка зрѣнія А. Н. встрѣчала противниковъ какъ со стороны нѣкоторыхъ лекторовъ, такъ и среди слушателей. Въ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта А. Н. приходилось отражать бурные натиски несогласныхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Совѣтѣ Курсовъ, кромѣ педагогическаго персонала принимали участіе и курсисты-рабочіе по одному человѣку отъ каждого курса (курсовъ было 4). Нельзя не отмѣтить, что самъ А. Н. къ такому участію въ дѣлахъ курсовъ рабочихъ относился крайне сочувственно. «Участіе въ Совѣтѣ представителей отъ слушателей, говоритъ онъ въ историческомъ очеркѣ курсовъ, имѣло свое хорошее вліяніе на его дѣятельность. Представители никогда не вмѣшивались въ дѣла, находившіяся внѣ ихъ компетенціи, но всегда были готовы прійти на помощь Совѣту имѣющимися у нихъ свѣдѣніями относительно разныхъ недоразумѣній и затрудненій, возникавшихъ у курсистовъ, и благодаря имъ, Совѣтъ избѣгъ многихъ нежелательныхъ мѣропріятій и постановленій».

Вопросъ о характерѣ лекцій въ ту пору былъ чрезвычайно острымъ, насущнымъ и животрепещущимъ. Это была пора освободительныхъ годовъ, когда мыслящая часть рабочихъ какъ бы пробудившись отъ многовѣкового сна, бурно рвалась найти разрѣшеніе многихъ вопросовъ какъ экономическаго, такъ и политическаго и религіознаго характера. И положеніе лекторовъ, которымъ приходится касаться названныхъ вопросовъ было нелегкимъ, такъ какъ ихъ слушатели нерѣдко являлись уже съ сложившимися отрицательными взглядами.

И вотъ, несмотря на то, что А. Н. не придерживался явно выражаемыхъ тенденцій аудиторіи, его лекціи проходили переполненными, и слушатели съ величайшимъ напряженіемъ слѣдили за каждой мыслью. Трудно передать словами то вниманіе, какъ выражалось на лицахъ ихъ. Можно сказать, что аудиторія была въ повиновеніи у своего лектора такъ, какъ повинуются музыкальный инструментъ выдающемуся музыканту; или голосъ пѣвца повинуются вдохновенному артисту. На лицахъ слушателей можно было видѣть какъ одно душевное переживаніе смѣнялось другимъ: то вы видите восторгъ, то изумленіе, то глубокую сосредоточенность и серьезность, переходящая въ чувство удовлетворенія и радости.

Общая группа дѣятелей Харьковскихъ рабочихъ курсовъ. Надъ зданіемъ курсовъ — проф. В. Я. Данилевскій, выше его — проф. А. Н. Красновъ. Влѣво отъ него — проф. Л. Л. Гиршманъ и проф. И. П. Осиповъ, вправо — проф. А. С. Брію, проф. В. И. Савва.

А. Н. читалъ и ботанику, и географію, и геологію. Но съ особеннымъ интересомъ слушались его лекціи по географіи. Тутъ воображеніе слушателя буквально путешествовало [вмѣстѣ съ лекторомъ изъ одной мѣстности въ другую, изъ страны въ страну. Лекціи А. Н. въ высокой степени расширяли умственный горизонтъ рабочихъ. Жадный и пытливый умъ ихъ получалъ благотворнѣйшую пищу.

Нельзя не поражаться той любви и энергіи, какія проявлялъ А. Н. къ своему дѣтишу—курсамъ. Словно любящій отецъ, А. Н., ставъ во главѣ ихъ, неуклонно стремился создать возможно лучшія условія существованія ихъ и дальнѣйшаго развитія. Благодаря его энергичному старанію, на курсахъ въ числѣ лекторовъ появились лучшія мѣстныя университетскія силы. Слѣдующее, напр., рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ А. Н. одинъ изъ участниковъ рабочихъ курсовъ—проф. В. И. Савва: «Преданный курсамъ всей своей душой, А. Н., въ поискахъ для нихъ лекторовъ, нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ призывомъ читать лекціи по русской исторіи рабочимъ. Перспектива путешествій на отдаленную отъ моей квартиры Петинскую улицу, гдѣ находились курсы, смущала меня, тѣмъ болѣе, что и досугомъ я далеко не обладалъ, но А. Н., приходя ко мнѣ, всякій разъ съ такимъ увлеченіемъ говорилъ мнѣ о слушателяхъ курсовъ, что увлекъ меня, и я согласился читать. Въ назначенный день для первыхъ лекцій А. Н. зашелъ за мною, и мы отправились вмѣстѣ. Я попросилъ его быть на моей первой лекціи, чтобы онъ, какъ уже знакомый съ аудиторіей, сообщилъ мнѣ свое впечатлѣніе отъ моей лекціи. Въ концѣ концовъ, я настолько привязался къ этимъ курсамъ, что когда мнѣ пришлось уѣхать изъ Харькова, то отъѣздъ¹ былъ для меня тяжелъ и вслѣдствіе необходимости разстаться съ курсами. Рабочая аудиторія была такова, что ее нельзя было не уважать, нельзя было къ ней не привязаться. Явишься, бывало, на курсы усталый, но войдешь въ аудиторію, словно передается тебѣ настроеніе ея, и выходишь послѣ лекціи бодрый, жизнерадостный, съ вѣрою въ человѣка. А. Н. торжествовалъ, когда я подѣлился съ нимъ своимъ впечатлѣніемъ отъ аудиторіи, для меня новой».

Первоначальной цѣлью курсовъ было—дать рабочимъ элементарныя свѣдѣнія изъ области прикладныхъ знаній—черченія, рисованія, геометріи и др. Но А. Н. такая программа, конечно, не могла удовлетворить. Онъ постоянно говорилъ: «Дайте рабочимъ больше знаній, ибо эти знанія, какъ осушительные каналы, превращаютъ болото въ цвѣтушую пашню, искореняя

губительныя язвы невѣжества». Онъ хотѣлъ, чтобы удушавая, сѣрая жизнь людей походила на тѣ цвѣтушіе, благоухоющіе сады, которые онъ безконечно любилъ. И вотъ, мечта А. Н. осуществляется. Скрамная программа курсовъ въ продолженіе немногихъ лѣтъ расширяется, углубляется, и курсы превращаются въ сущности въ народный университетъ. Первоначально курсы помѣщались въ классахъ ремесленнаго училища. Но это помѣщеніе стало тѣснымъ и неудобнымъ для разросшихся курсовъ. А. Н. сталъ мечтать о постройкѣ собственнаго зданія. Онъ отправился въ Петроградъ и, благодаря его хлопотамъ, для постройки зданія курсовъ была выдана Министерствомъ финансовъ субсидія въ размѣрѣ 25 тыс. руб.

Однако, денегъ этихъ было все-таки мало. Тогда обратились за помощью къ городскому управленію и отдѣльнымъ лицамъ, и въ результатѣ, за годъ съ небольшимъ выросло огромное, прекрасное, благоустроенное зданіе, очагъ просвѣщенія трудовыхъ массъ, «курсы рабочихъ».

А. Н. читалъ лекціи на курсахъ не ежедневно, тѣмъ не менѣе онъ каждый день приходилъ на курсы раньше другихъ лекторовъ, желая вести жизнь курсовъ наилучшимъ образомъ. Если кто-либо изъ лекторовъ не являлся, А. Н. старался не позволять аудиторіи оставаться безъ лектора: онъ самъ всходилъ на кафедру и что-либо импровизировалъ слушателямъ изъ своей неисчерпаемой духовной сокровищницы.

А. Н. былъ изъ числа тѣхъ немногихъ, лучшихъ людей, для которыхъ жизнь есть непрерывная разумная, одухотворенная дѣятельность, для которыхъ жизнь есть творчество; жить для него значило творить. Когда А. Н., послѣ поразившаго его удара былъ тяжело боленъ, и врачи послѣ нѣкотораго улучшенія сказали, что ему необходимо вести спокойную жизнь и избѣгать всего волнующаго и раздражающаго, онъ говорилъ: «Кому же я нуженъ, если я буду всего сторониться и сидѣть въ четырехъ стѣнахъ? Да лучше я проживу одинъ годъ настоящей жизнью, чѣмъ буду тянуть рядъ лѣтъ никому не нужной жизни».

Глубокая преданность культурно-просвѣтительнымъ идеямъ заставляла его не прекращать работу даже въ самыя трудныя минуты. Такъ, въ 1905 г., когда прекратились занятія вездѣ, а также и на курсахъ, А. Н., не взирая даже на запрещеніе администраціи, продолжалъ свои занятія. Онъ употреблялъ массу усилій на убѣжденіе своей аудиторіи беречь свои курсы и не вносить въ нихъ элементы злободневной политики. И успѣхъ былъ на сторонѣ А. Н., слушатели горячо любили и уважали

своего руководителя. Для нихъ было ясно, что расцвѣтъ курсовъ достигнутъ, благодаря трудамъ и заботамъ А. Н. Но, кромѣ того, они особенно цѣнили въ А. Н. его удивительно внимательное и чуткое обращеніе съ каждымъ въ отдѣльности. Каждый могъ обратиться къ нему съ тревожившими его сомнѣніями и вопросами, и встрѣчалъ отъ него теплый сердечный отвѣтъ. Такое отношеніе для рабочихъ было совершенно непривычно.

Общеніе съ рабочими-курсистами не ограничивалось только курсами. Дверь квартиры А. Н. постоянно была открыта для нихъ. Самъ А. Н. постоянно говорилъ, что лучшими собесѣдниками для него являются курсисты. И для курсистовъ особенно счастливы были тѣ дни, когда они дѣлали вмѣстѣ съ А. Н. экскурсіи въ окрестностяхъ Харькова.

Любовь и признательность рабочихъ къ А. Н. ярко выразились въ томъ адресѣ, который былъ поднесенъ ему отъ лица бывшихъ его слушателей передъ окончательнымъ переѣздомъ его изъ Харькова въ Батумъ:

«Высокоуважаемый и дорогой профессоръ Андрей Николаевичъ! Мы, рабочіе и работницы г. Харькова, узнавъ о Вашемъ отъѣздѣ изъ Харькова, чувствуемъ себя осиротѣлыми, оставленными. Мы видѣли въ Васъ лучшаго нашего друга и учителя. Ваши лекціи—бесѣды, полныя глубокаго знанія, проникнутыя Вашею любовью и желаніемъ дать намъ правильное пониманіе, вѣрное знаніе, оставили въ насъ неизгладимые слѣды. Мы, посѣщая Ваши лекціи, выросли въ своихъ собственныхъ глазахъ. Отъ Васъ мы узнали какъ живетъ міръ, узнали о красотѣ природы и о томъ, какъ человѣку нужно жить въ мірѣ.

Вы тотъ, кому дороги интересы народа. Приглашая на курсы, которыхъ Вы были вдохновителемъ, лучшія научныя силы г. Харькова, Вы тѣмъ самымъ стремились сдѣлать доступными задачи и цѣли науки. Сами Вы, представляя собой народный университетъ, приобщили насъ, посѣщающихъ курсы, къ великимъ идеямъ, на знамени которыхъ написано: наука и рабочіе. Въ теченіе всего времени Вашей дѣятельности Вы были яркимъ лучемъ путевой звѣзды, предохраняя насъ отъ нежелательнаго и не нужнаго, указывая вѣрный путь къ достиженію благополучія—приобрѣтеніемъ знанія и развитіемъ себя въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Вы своей искренностью вызывали въ насъ чувство любви и стремленія къ идеальному и хорошему.

Примите же отъ насъ, высокоуважаемый Андрей Николаевичъ, наши искреннія чувства сердечной признательности и глубокое желаніе Вамъ здоровья и силы на многіе годы.

Пусть и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Вы будете жить, сила огня Вашей полезной дѣятельности свѣтитъ и грѣетъ окружающихъ Васъ. Живите долго и работайте много и всякъ, кто человѣкъ, скажетъ Вамъ сердечное спасибо.

Пусть и Ваше воспоминаніе о работѣ среди насъ, направленной къ осуществленію добра, способствующей умственному развитію, благосостоянію и прогрессу всѣхъ людей, утѣшитъ Васъ во всѣхъ трудностяхъ, могущихъ встрѣтиться Вамъ на пути.

Харьковъ намъ, рабочимъ, дорогъ въ воспоминаніи о Васъ. Вы же, вспоминая о сдѣланномъ для достиженія правды, будьте счастливы и радостны на всякомъ мѣстѣ».

Но, увы, этому напутствію не суждено было осуществиться. Благородная жизнь преждевременно угасла!

В. Томенко.

Проф. А. Н. Красновъ въ Батумѣ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

Когда я почти четыре года тому назадъ пріѣхалъ въ Батумъ на постъ директора мѣстной мужской гимназіи, то былъ пріятно изумленъ извѣстіемъ, что профессоръ А. Н. Красновъ живетъ въ городѣ, притомъ въ двухъ шагахъ отъ меня. Однимъ изъ моихъ первыхъ визитовъ было, разумѣется, посѣщеніе А. Н., котораго я засталъ больнымъ, сильно постарѣвшимъ и донеузнаваемости измѣнившимся. Андрея Николаевича я знавалъ еще въ бытность нашу студентами Петроградскаго университета. Хотя мы были на разныхъ факультетахъ, однако, въ тѣ отдаленные годы (первая половина 80-хъ годовъ) и студентовъ было въ 5 разъ меньше въ университетѣ, чѣмъ теперь, и жили они сплоченнѣе, тѣснѣе общетоварищескимъ ядромъ. Объединяла насъ наука, насчитывавшая тогда въ Петроградскомъ университетѣ рядъ блестящихъ представителей (я здѣсь назову только А. Д. Градовскаго, проф. Сергѣевича, Коркунова, Фойницкаго, Янсона, ректора И. Е. Андреевскаго изъ юристовъ; Сѣченова, Лесгафта, Менделѣва изъ естественниковъ; Бауера, Ор. Миллера, Ламанскаго, Ягича, Помяловскаго, Латышева, Веселовскаго изъ филологовъ; Боргмана, Поссе, Маркова изъ математиковъ; Васильева, Гиргаса, Хвольсона, Патканова, Позднѣва изъ восточниковъ). Кто хотѣлъ работать, собирался либо въ библіотекѣ, либо въ читальнѣ, либо въ лабораторіяхъ, либо, наконецъ,—какъ это ни странно—въ студенческой столовой-буфетѣ, и тутъ-то происходили бесѣды, западавшія въ памяти на всю жизнь, заключались дружбы, длившіяся не одно десятилѣтіе, сводились знакомства, одно воспоминаніе о которыхъ заставляетъ теперь чрезъ 30 лѣтъ съ лишнимъ радостно биться сердце. Такимъ то образомъ и я, тогда первокурсникъ-филологъ, познакомился съ симпатичнымъ послѣднекурсникомъ естественникомъ Андреемъ Красновымъ, уже тогда, какъ золотой медалистъ и человѣкъ, побывавшій въ ученой командировкѣ, крупной среди студенчества величиною. Помню, меня, классика, чрезвычайно поразили удивительное знаніе греческаго языка и его литературы у естественника

Краснова и та восторженность, съ которою сей по тогдaшнему «матеріалистъ» говорилъ о памятникахъ античнаго міра. Эта бесѣда насъ очень сблизила, но вскорѣ затѣмъ Красновъ, окончивъ блестяще курсъ, уѣхалъ за границу, и пути наши разошлись на очень продолжительное время, чему не мало способствовало различіе нашихъ специальностей.

Много, много лѣтъ спустя мнѣ, преподавателю исторіи одного изъ среднеучебныхъ заведеній Петрограда, издательская фирма «Просвѣщеніе» предложила перевести на русскій языкъ извѣстный географическій трудъ проф. Сиверса «Азія». По введенному у фирмы обычаю каждый переводъ украшался именемъ не всегда фактическаго и далеко иногда незнаменитаго ученаго. Важно было, чтобы на обложкѣ красовались слова «подъ редакціею профессора или приватъ-доцента NN». Не будучи специалистомъ по географіи, я старался найти для своего перевода дѣйствительно редактора съ настоящимъ именемъ, обращался къ Воейкову и нѣкоторымъ другимъ и совершенно забылъ объ А. Н. Красновѣ, тогда профессорствовавшемъ въ Харьковѣ. Не помню, кто мнѣ указалъ на него, только въ отвѣтъ на мое офиціальное письмо я получилъ столь же офиціально-любезное согласіе взять на себя редактированіе моего перевода «Азіи». Но уже послѣ первыхъ печатныхъ листовъ А. Н. написалъ мнѣ, что я, какъ весьма опытный переводчикъ, ни въ какомъ редакторѣ не нуждаюсь и что онъ, Красновъ, считаетъ свой трудъ вѣрнѣе, свою подпись фиктивною, а потому сдѣлаетъ соответствующее заявленіе издательской фирмѣ. Послѣдняя, однако, настойчиво просила А. Н. продолжать числиться редакторомъ. Однако, когда за выпускомъ «Азіи» Сиверса послѣдовало предложеніе перевести «Австралію, Полинезію и Арктическія страны» того же Сиверса и проф. Кюкенталю, А. Н. наотрѣзъ отказался редактировать, но зато охотно взялся написать къ моему переводу нѣсколько дополнительныхъ специально-ботаническихъ приложений. Такъ эта книга и вышла безъ редактора, но съ дополненіями профессора Харьковскаго университета Краснова. За тѣ три года, что шелъ переводъ названныхъ двухъ сочиненій, я лишь одинъ разъ видѣлся съ проф. Красновымъ, именно въ 1902 или въ 1903 году. Красновъ тогда пріѣзжалъ въ Петроградъ по дѣламъ, заглянулъ попутно и ко мнѣ. Такъ какъ онъ очень спѣшилъ, то нашъ разговоръ носилъ чисто-дѣловой характеръ. Но меня поразила въ А. Н. его жизнерадостность и энергія, а также неизмѣнная ласковость и привѣтливость.

Прошелъ рядъ лѣтъ, и я оказался въ Батумѣ. Во время своего визита А. Н. Краснову я былъ пораженъ переменною, прошедшею съ нимъ за какихъ-нибудь 8—9 лѣтъ. Предомъ былъ больной старикъ, жаловавшійся на боли въ ногѣ, съ трудомъ передвигавшійся по комнатѣ, да и то при помощи палки. Но ласковая привѣтливость и свѣтящаяся въ глазахъ доброта оставались прежними. Должно быть, и я не мало измѣнился за истекшіе годы: на прощанье А. Н. вспомнилъ о своемъ сотрудничествѣ со мною, но принялъ меня за моего брата-ботаника (А. Генкеля). Когда же я выяснилъ ему его ошибку, онъ былъ искренно радъ, что рядомъ съ нимъ поселился человекъ, близкій ему по духу и интересамъ. Тутъ же А. Н. повѣдалъ мнѣ, что прибылъ въ Батумъ за полгода до меня и рѣшилъ, бросивъ Харьковъ и профессору, навсегда поселиться въ Батумѣ, въ которой онъ «влюбленъ».

Съ тѣхъ поръ почти не проходило дня, чтобы мы не видѣлись съ А. Н. Когда послѣ перваго офиціального визита профессора къ намъ, ледъ перваго знакомства растаялъ, Красновъ очень часто проводилъ въ моей семьѣ долгіе вечера, и эти вечера съ ихъ бесѣдами о прошломъ и планами насчетъ будущаго навсегда останутся памятными намъ.

Въ то время покойный Красновъ особенно нуждался въ любовномъ къ нему отношеніи; съ одной стороны, болѣзнь, съ другой — множество разочарованій какъ по Харьковской профессурѣ, такъ и по тому дѣлу, ради котораго онъ переехалъ въ Батумъ, очень тяжело отражались на его психикѣ. Но завзятый оптимистъ, А. Н. удовлетворялся малѣйшею удачею или одною надеждою на нее, чтобы сразу вновь воспрянуть духомъ и вернуть себѣ прежнюю жизнерадостность. Вотъ въ эти-то тяжелыя времена проф. Красновъ блестяще доказалъ, что трудъ—панацея отъ всѣхъ напастей. Несмотря на больную ногу, не взирая на общее недомоганіе, онъ со всѣмъ пыломъ, свойственнымъ его сангвинической натурѣ, отдался осуществленію своей завѣтной мечты—созданію образцоваго и единственнаго въ своемъ родѣ батумскаго субтропическаго ботаническаго сада. Уже съ самыхъ первыхъ шаговъ покойному пришлось преодолѣть рядъ неимоверныхъ трудностей, почти непреодолимыхъ на первый взглядъ. Не только не нашлось мѣста для будущаго ботаническаго сада, но и самая мысль о необходимости такового не встрѣчала почти никакого сочувствія ни въ Петроградѣ, въ Главномъ управленіи земледѣлія, ни даже въ Батумѣ среди мѣстной интеллигенціи и плантаторовъ-піонеровъ. Отраднымъ исклю-

ченіємъ являлся лишь военный губернаторъ Батумской области, тогда полковникъ, нынѣ ген.-маіоръ Б. С. Романовскій-Романько. Этотъ выдающійся администраторъ и основательный знатокъ условій Батумской области, человѣкъ, глубоковѣрующій въ грандіозное будущее управляемой имъ области и просто-таки влюбленный въ нее, всѣми силами старался поддержать А. Н. въ его благихъ начинаніяхъ и способствовать осуществленію его завѣтныхъ стремленій. И можно безъ преувеличенія сказать, что, не будь Б. С. Романовскаго, мысль о батумскомъ садѣ такъ, вѣроятно, и осталась бы утопіею.

Другимъ лицомъ, много помогавшимъ А. Н., былъ великобританскій консулъ въ Батумѣ г. Стивенсъ. Черезъ его любезное посредство покойный профессоръ ускорялъ выписку изъ-за границы необходимыхъ для сада растений и при его помощи справлялся съ тою частью редактировавшагося Красновымъ періодическаго изданія «Русскіе Субтропики», которая на англійскомъ языкѣ давала резюмэ русскаго отдѣла книжекъ, дѣлая послѣднія такимъ образомъ интересными не только для мѣстнаго общества, но и за границу. Послѣ огромной переписки и нѣсколькихъ личныхъ посѣщеній министровъ въ Петроградѣ удалось, наконецъ, заполучить безвозмездно отъ Главнаго управленія земледѣлія и Управленія Удѣловъ подходящій и давно уже облюбованный имъ подъ ботаническій садъ участокъ земли между станціями Зеленый Мысъ и Чаква. Участокъ этотъ, площадью до 67 десятинъ, подходитъ къ самому морю и пересѣкается по окраинѣ желѣзнодорожнымъ путемъ. Въ то время онъ, за малыми исключеніями, былъ почти сплошь покрытъ густымъ лѣсомъ и только юго-западный склонъ его покато и мягко спускается къ побережью. Цѣнность участка опредѣляется не только его величиною и близостью къ морю, но главнымъ образомъ его природными качествами, его изрѣзанностью, красотою и близкимъ сосѣдствомъ съ Батумомъ (18 верстъ) и Чаквою съ ея плантаціями и чайною фабрикою.

Съ энергіею 25-лѣтняго юноши А. Н. приступилъ къ окультивированію участка и подготовкѣ его. Для этого необходимы были не только большія деньги, но и сочувствіе мѣстнаго общества. Первыхъ не было, второе приходилось искусственно создавать путемъ личныхъ бесѣдъ, печати, рѣчей въ засѣданіяхъ мѣстнаго сельскохозяйственнаго общества, товарищемъ предсѣдателя котораго А. Н. былъ избранъ вскорѣ послѣ своего прибытія въ Батумъ. И на все это хватало силъ и времени у больного А. Н. Буквально съ утра до вечера онъ былъ занятъ

то на участкѣ, то въ обществѣ, то у себя въ кабинетѣ. Одна переписка, которую велъ тогда почти самолично покойный, могла бы другого человѣка поглотить цѣликомъ. Онъ же ей посвящалъ досуги между дѣлами. А тутъ Сельскохозяйственное общество поручило А. Н. еще редактированіе «Русскихъ Субтропиковъ». Бѣда была въ томъ, что это запущенное изданіе¹⁾ приходилось ставить вновь, привлекать къ нему сотрудниковъ, возиться съ типографіею, бумагою, клише etc., однимъ словомъ, быть одновременно и редакторомъ, и издателемъ, и сотрудникомъ, и переводчикомъ, и компиляторомъ, и секретаремъ, и корректоромъ изданія... и все это при почти полномъ отсутствіи денежныхъ средствъ. И А. Н., по обыкновенію, съ честью вышелъ изъ создававшегося труднаго положенія: при немъ журналъ былъ и содержателенъ, и разнообразенъ, и полезенъ, и выходилъ въ смыслѣ аккуратности почти образцово въ свѣтъ. Большинство книжекъ того времени почти сплошь принадлежатъ перу покойнаго. Кромѣ множества замѣтокъ, рецензій, рефератовъ, проф. Красновъ далъ за одинъ лишь 1912 годъ на столбцахъ названнаго изданія такія цѣнныя статьи, какъ «Батумскій ботаническій садъ и его задачи», «Японія, какъ главнѣйшій источникъ заимствованія изъ странъ Дальняго Востока», «Южная Колхида и ея мѣсто среди другихъ субтропическихъ областей земного шара», «Пеканъ, его культура и будущность въ Колхидѣ», «Японскій орѣхъ», «Хинное дерево и возможность его разведенія въ Батумскомъ краѣ» и мн. др.

Когда почва была достаточно подготовлена и участокъ для сада полученъ, А. Н. рѣшилъ показать мѣстному населенію всю красоту и цѣнность батумской флоры. По его инициативѣ и подъ его личнымъ руководствомъ расширился и расцвѣлъ городской питомникъ, улицы и дороги города были обсажены благородными лаврами, пальмами и другими растеніями, замѣнившими обычные на югѣ пирамидальные тополя и т. д. Все это устраивалось, такъ сказать, «между дѣломъ». Все его вниманіе было обращено на созданіе ботаническаго сада, который въ какихъ-

¹⁾ Какъ мелкій, но характерный для богатой натуры А. Н. фактъ слѣдуетъ отмѣтить, что, начавши принимать близкое участіе въ названномъ изданіи, онъ сейчасъ же измѣнилъ, во-первыхъ, его первоначальное шаблонное названіе «Батумскій Сельскій Хозяинъ» на болѣе яркое — «Русскіе Субтропики» и, во-вторыхъ, обложку, которая, постепенно улучшаясь, въ послѣдній (1914) годъ редактированія Краснова пріобрѣла чрезвычайно художественный видъ, будучи украшена красивой, въ нѣсколько красокъ, виньеткой Батумскаго побережья.

нибудь 10—11 мѣсяцевъ превзошелъ всѣ самыя смѣлыя ожиданія: тамъ возникли законченные отдѣлы японскій, сѣвероамериканскій, флоридскій, не говоря уже о прокладкѣ массы дорогъ, расчисткѣ лѣсовъ, устройствѣ водоснабженія и т. д.¹⁾ А. Н. буквально жилъ въ этомъ саду, нерѣдко ночуя въ наскоро сколоченномъ домѣ-сараѣ, поднимаясь съ рабочими (турками и аджарцами) часто до зари и ложась глубокою ночью. И все это въ больномъ состояніи. Но покойный не чувствовалъ за фанатически любимымъ дѣломъ ни физической боли, ни нравственныхъ страданій. Уходя съ головою въ свою работу, онъ только изрѣдка позволялъ себѣ «роскошь», отдыхъ въ кругу немногочисленныхъ друзей. И тутъ, этотъ бодрый, жизнерадостный ученый, выдающійся ботаникъ и географъ, становился прямо-таки обаятельнымъ. Гдѣ бы онъ ни появлялся, тамъ немедленно воцарялось оживленіе и радость. Великолѣпный разказчикъ, человѣкъ съ огромнымъ запасомъ юмора, А. Н. становился центромъ всего вниманія, сѣя вокругъ себя энергію, силу, свѣтъ.

Еще неоцѣнимѣе былъ покойный въ душевныхъ дружественныхъ бесѣдахъ съ глазу на глазъ. Тутъ воспоминанія дѣтства и юности лились широкою рѣкою. Часы незамѣтно пролетали, переноса насъ въ свѣтлое далекое прошлое, и мы переживали еще разъ всѣ наши идеалистическія упованія и надежды юности.

Слушая Краснова въ такія минуты, поневолѣ забывалъ, что говоришь съ знаменитостью, съ человѣкомъ, обладающимъ европейски извѣстнымъ именемъ, съ выдающимся ученымъ, которому шелъ шестой десятокъ. Поневолѣ въ памяти вставалъ чарующій образъ Краснова—студента во всей его юношеской прелести...

А. Н., какъ будто предчувствуя скорую кончину, торопился работать. Онъ не разъ признавался мнѣ, что, если бы было возможно, онъ поступилъ бы вольнослушателемъ на филологическій факультетъ. Это неудивительно, если вспомнить изумительныя лингвистическія способности покойнаго: онъ свободно читалъ, писалъ и говорилъ на 4 европейскихъ языкахъ, безъ затрудненія читалъ латинскіе и греческіе тексты, превосходно изучилъ (теоретически) грузинскій и турецкій языки, переводилъ грузинскія стихотворенія размѣромъ подлинника на русскій языкъ. По-грузински онъ даже говорилъ довольно сносно.

¹⁾ Подробнѣе о Батумскомъ садѣ я уже писалъ въ другомъ мѣстѣ (см. «Естеств. и Геогр.», 1915, № 1 и «Пермск. Вѣд.» 1915, № 9).

Попутно не могу не упомянуть об одной характерной чертѣ покойнаго, его чрезвычайной деликатности. Зная, напр., что у меня живетъ одинъ очень бѣдный грузинъ, бывший ученикъ мой, готовившійся на аттестатъ зрѣлости, А. Н. немедленно предложилъ юношѣ давать ему, профессору, уроки грузинскаго языка. Хотя, какъ мнѣ потомъ рассказывалъ самъ А. Н., проку отъ этихъ занятій и не было никакого, ординарный профессоръ терпѣливо занимался по три раза въ недѣлю у своего юнаго ментор-гимназиста съ единственною цѣлью помочь послѣднему.

Другой фактъ того же порядка: какъ то ѣдемъ мы съ А. Н. по желѣзной дорогѣ въ Ботаническій садъ. На полустанкѣ въ вагонъ входитъ одинъ нашъ общій знакомый, считающій себя выдающимся сельскимъ хозяиномъ и знатокомъ мѣстныхъ условій. Въ разговорѣ съ А. Н. г. Х., человекъ грубоватый и мало сдержанный, начинаетъ понемногу повышать тонъ и, наконецъ, на весь вагонъ кричитъ на профессора. Послѣдній съ обыкновенною милою улыбкою вяло отвѣчаетъ на неприличную по формѣ и нелѣпую по содержанию аргументацію собесѣдника. Меня это взорвало, но я не счелъ себя въ правѣ, какъ не специалистъ, вмѣшиваться въ дѣло.

Вечеромъ того же дня, когда я въ интимной бесѣдѣ съ А. Н., указалъ ему на недостаточность отпора нахалу, Красновъ, застѣнчиво улыбаясь, отвѣтилъ мнѣ: «А скажите, Г. Г., развѣ я не слишкомъ рѣзко отвѣтилъ сегодня Х. Мнѣ казалось, что я былъ очень несдержанъ (!)». А. Н. боялся обидѣть наглеца.

Всѣмъ хорошо знавшимъ А. Н., вѣроятно, извѣстенъ фактъ, какъ онъ лѣчилъ свой здоровый глазъ, вмѣсто больного, у знаменитости, ошибавшейся по разсѣянности, не сказавъ знаменитости о происшедшей ошибкѣ, и все это съ единственною цѣлью не обидѣть окулиста... И такихъ случаевъ въ жизни А. Н. былъ, вѣроятно, не одинъ десятокъ.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о проф. Красновѣ, какъ учителѣ географіи въ мѣстной гимназіи. Видя мои старанія поднять воспитательную и учебную часть батумской гимназіи, покойный А. Н., несмотря на страшную занятость, предложилъ мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ и любезно согласился принять на себя преподаваніе въ двухъ младшихъ классахъ. Естественно, что я ему былъ за это безконечно благодаренъ, тѣмъ болѣе, что А. Н. объявилъ мнѣ о своемъ рѣшеніи вести преподаваніе географіи не по шаблону, а по нормамъ и способамъ, имъ лично выработаннымъ, такимъ, гдѣ работѣ памяти отводилось послѣднее, работѣ же мозга—первое мѣсто.

Я охотно согласился и результатъ получился, какъ и слѣдовало ожидать, блестящій: мальчики не только легко и прочно усваивали даваемые имъ свѣдѣнія, но съ чрезвычайнымъ увлеченіемъ относились къ урокамъ «нашего профессора», какъ они любовно именовали Андрея Николаевича. Правда, послѣднему, приходилось иногда и повоевать съ тѣмъ или инымъ шалуномъ, но памятуя, что имѣетъ дѣло съ южанами, А. Н. относился къ проявленіямъ ребяческой живости болѣе, чѣмъ добродушно и благожелательно. Неудивительно, что юная аудиторія боготворила своего знаменитаго учителя, среди обширныхъ и многообразныхъ дѣлъ своихъ, нашедшаго время и силы и для нихъ малыхъ сихъ. Но еще сильнѣе было воспитательное и образовательное вліяніе А. Н. на учениковъ старшихъ классовъ гимназіи. Тутъ, въ еженедѣльно происходившихъ (по субботамъ, послѣ всенощной) рефератныхъ собраніяхъ ученическаго физико-математическаго общества, профессоръ неоднократно выступалъ съ докладами и лекціями, буквально очаровывая многочисленную аудиторію. На эти собранія, кромѣ учащихся, мною допускались и нѣкоторые посторонніе лица, интересующіяся соотвѣтственными вопросами и, такимъ образомъ, въ скромномъ и тихомъ Батумѣ творилась большая культурная работа, давались толчки къ серьезной научной дѣятельности. Когда бывало кто-либо изъ молодыхъ преподавателей или наилучшихъ учениковъ выступалъ съ возраженіями противъ положеній Краснова (находились и такіе смѣльчаки), А. Н. прямо-таки гордился этимъ и со свойственнымъ ему одному мастерствомъ въ блестящей популярной формѣ пояснялъ свои мысли. Онъ нерѣдко признавался мнѣ, что въ Харьковѣ у него было ужъ не такъ много настолько дѣльно подготовленныхъ слушателей, какъ въ Батумѣ...

Этихъ немногихъ строкъ, конечно, недостаточно, чтобы сколько-нибудь исчерпывающе охарактеризовать дѣятельность покойнаго Краснова въ Батумѣ. Объ его работѣ тамъ можно было бы написать цѣлый объемистый томъ. Но мнѣ кажется, что и настоящей бѣглой замѣтки достаточно, чтобы послужить хоть маленькимъ вѣнчкомъ на могилѣ наиболѣе выдающагося батумца, великаго работника и чуждаго челоуѣка—незабвеннаго, дорогаго профессора Андрея Николаевича Краснова.

Германъ Генкель.

Проф. А. Н. Красновъ въ личной жизни.

(Изъ воспоминаній).

Не стало проф. Андрея Николаевича Краснова! Такъ коротко и просто звучать эти слова для лицъ не знавшихъ покойнаго; и какъ много остраго чувства тяжелой утраты они вызываютъ въ тѣхъ, кто близко зналъ его! Для нихъ это былъ человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова «не отъ міра сего», полный увлекательнаго стремленія къ лучшей, одухотворенной жизни, глубокой идеалистъ, всю жизнь остававшійся имъ. Всю жизнь онъ стремился помогать другимъ подняться надъ уровнемъ темнаго, неосмысленнаго существованія и проводилъ это какъ въ широкой просвѣтительной дѣятельности, такъ и въ частныхъ личныхъ отношеніяхъ. Формальная дѣятельность и стремленіе къ устройству личнаго благополучія его тяготили. Въ силу этого онъ чувствовалъ себя чуждымъ окружающимъ, видѣлъ, что расходится съ ними въ многомъ. Его тяжело удручало исчезновеніе идеализма среди университетской молодежи, передъ которой ему приходилось читать лекціи. А. Н. испытывалъ духовное одиночество и постоянно искалъ выхода изъ него въ кипучей культурно-просвѣтительной работѣ. Въ теченіе ряда лѣтъ онъ находилъ удовлетвореніе въ своемъ дѣтищѣ—курсахъ для рабочихъ. Ему чувствовалось, что здѣсь его понимаютъ и что здѣсь онъ дѣйствительно полезенъ. Но время шло, мѣнялось настроеніе умовъ, мѣнялись люди. Курсы отошли на задній планъ... А. Н. снова приступилъ къ поискамъ выхода изъ тяготившей его атмосферы и въ результатѣ сдѣлалъ свой послѣдній рѣшительный шагъ: покинулъ университетъ и переселился на Кавказъ, чтобы отдаться здѣсь осуществленію своего грандіознаго, давно выношеннаго проекта—создать садъ, который долженъ былъ преобразить наши черноморскіе субтропики и сдѣлаться ихъ центральнымъ пунктомъ.

Съ этого момента для А. Н. началась новая жизнь. Нужно было видѣть, чтобы оцѣнить то увлеченіе и юношескую энергію, съ какой принялся онъ за дѣло! Онъ работалъ безъ отдыха, словно, куда-то спѣшилъ, торопился. И дѣйствительно, за одинъ

годъ нельзя было узнать еще недавно дикаго мѣста. Тамъ, гдѣ раньше стояли непролазныя заросли папоротника и перепутывались колючія ліаны, теперь всюду были проложены дороги, расчищены поляны, заложены главнѣйшія насажденія.

Еще черезъ годъ, когда я снова посѣтилъ А. Н. въ Батумѣ, садъ въ важнѣйшихъ чертахъ былъ уже готовъ. Но А. Н., несмотря на это, продолжалъ еще больше торопиться, попрежнему живя своимъ созданіемъ. Напряженная работа отражалась на его здоровьѣ, но на замѣчанія окружающихъ по этому поводу онъ, шутя, отвѣчалъ, что ему осталось немного жить и что онъ долженъ закончить всѣ работы, хотя бы вчернѣ, и тогда только сможетъ спокойно умереть. И А. Н. дѣйствительно, какъ-будто предчувствовалъ близость рокового часа...

Было однажды воскресенье... Погода выдалась особенно хорошая, какая не такъ часто бываетъ въ Батумѣ. Солнце щедро посылало свои горячіе лучи на землю. Въ воздухѣ было тихо, жарко, парило... Покойный А. Н., идя со мною, восхищался днемъ, замѣчая неоднократно, что такъ бываетъ только въ субтропическихъ странахъ. Мы обошли съ нимъ почти весь садъ; наконецъ, пошли по Гималайскому отдѣлу, достигли недавно устроенной аллеи изъ пальмъ, въ концѣ которой была устроена куртина изъ кактусовъ, любимаго растенія А. Н. Влѣво отъ аллеи, чуть выше клумбы съ кактусами, на красивомъ холмикѣ была расчищена площадка, пока ничѣмъ не засаженная. Обратившись въ сторону этой площадки, А. Н. сказалъ: «Вотъ мѣсто моей могилы. Когда я умру, здѣсь должны меня похоронить, чтобы отсюда я могъ видѣть садъ и его окрестности».

На мои слова, что нельзя говорить такъ, что онъ долженъ жить и будетъ еще жить, А. Н., шутя, возразилъ: «Нѣтъ, мнѣ предсказано, что я скоро долженъ умереть». При этихъ словахъ мы взошли на названный холмикъ. «Видишь ли — сказалъ онъ мнѣ — какой отсюда открывается чудный видъ?» «Вижу» — сказалъ я. На западъ, прямо у нашихъ ногъ, какъ съ птичьяго полета, виднѣлась часть ботаническаго сада съ его извилистыми дорогами и насажденіями. За садомъ тянулось удѣльное имѣніе Чаква съ рощами бамбука, криптомерій, съ группами высокихъ, темнолистыхъ, вѣчнозеленыхъ эвкалиптовъ, плантаціями цитрусовъ и чая. Еще дальше чуть виднѣлся Цихистъ-дзирскій мысъ, за которымъ только въ ясную погоду можно видѣть весь Кавказскій хребетъ со снѣжными вершинами, спускающійся какъ бы прямо въ море. На востокъ виденъ былъ Зеленый мысъ, Батумъ съ его чудной бухтой, а за Батумомъ Анатолій-

скія горы. На сѣверъ отъ насъ лежали горы Аджаріи, невысокія, покрытыя пышной дѣвственной растительностью. Въ южномъ направленіи простиралось, кажущееся безграничнымъ, тихое, сверкающее подъ лучами солнца, Черное море — древній Понтъ. Казалось, что вокругъ этого мѣста нарочно соединились всѣ красоты природы въ самыхъ богатыхъ, разнообразныхъ и причудливыхъ сочетаніяхъ. Море и горы, холмы, долины и рѣки, Батумъ и Зеленый мысъ. Сюда доносился плескъ морскихъ волнъ, тутъ слышенъ говоръ горныхъ ключей, пѣніе ютящихся въ заросляхъ птицъ. Отсюда видны уходящія и приходящія въ Батумъ пароходы и поѣзда, слышны гудки пароходовъ, свистки проходящихъ поѣздовъ...

И долго мы стояли вмѣстѣ и смотрѣли вдаль, подавленные сказочными видами, открывавшимися съ холмика. Предчувствіе А. Н., къ сожалѣнію, сбылось даже неожиданно скоро... И сейчасъ не хочется вѣрить, что на томъ холмѣ онъ не живой стоитъ, а лишь прахъ его покоится среди ласковой природы «русскихъ субтропиковъ», на лонѣ которой вѣчно мятущійся высокій духъ его нашелъ себѣ послѣднее удовлетвореніе!

И. Чепурный.

Изъ прошлаго.

(Отрывки изъ воспоминаній объ А. Н. Красновѣ).

I.

.... За немногія недѣли до смерти я видѣлъ А. Н. Краснова въ Петроградѣ. Больной, какъ мнѣ кажется теперь, уже ясно чувствовавшій приближеніе неизбѣжнаго намъ всѣмъ конца, А. Н. былъ у меня передъ своимъ отъѣздомъ на Кавказъ. Ему и хотѣлось, и тяжело было туда ѣхать. Тревожила мысль о судьбѣ дорогого ему ботаническаго сада, который только передъ войной, казалось, окончательно началъ выливаться въ определенное созданіе, отвѣчавшее старымъ мечтамъ и долгимъ надеждамъ. И война грозила разрушить все. Пробираясь съ большимъ трудомъ и большими страданіями долгимъ кружнымъ путемъ изъ Парижа въ Петроградъ, онъ все время думалъ о полномъ крушеніи дорогого ему дѣла—правда, мелкой песчинкѣ въ вихрѣ міровой катастрофы, но съ ней была связана его личная мысль и личная воля. Лишь здѣсь въ Петроградѣ онъ узналъ о томъ, что война не разрушитъ и не измѣнитъ предположенной организаціи сада. Но онъ все-таки ѣхалъ въ Батумъ въ тревожномъ настроеніи; онъ глубоко и сильно переживалъ міровую трагедію, понималъ больше другихъ всю огромность начавшейся исторической развязки. Вопросъ отношенія расъ и въ частности вопросы о нѣмецкой колонизаціи интересовали его давно. Я нахожу слѣды этихъ интересовъ въ своихъ гимназическихъ воспоминаніяхъ, въ старой юношеской перепискѣ— а позже, съ начала 1890-хъ годовъ, вновь нѣмецкій *Drang nach Osten* рисовался ему въ стихійно-фантастическихъ формахъ; онъ былъ въ ужасѣ отъ, казалось ему, систематической организованности нѣмецкихъ колоній въ Россіи, въ жизни которыхъ онъ видѣлъ сознательный планъ чужой государственной организаціи. Жизнь въ Харьковѣ, поѣздки на югъ Россіи заставили его внимательнѣе всмотрѣться въ происходящее внѣдреніе въ русскую жизнь чужероднаго, сильнаго культурой, трудомъ и организаціей племени, въ которомъ онъ съ юности видѣлъ величайшую опасность для родины—опасность, не создаваемую русскимъ обще-

Проф. А. Н. Красновъ въ группѣ съ дѣятелями и слушателями рабочихъ курсовъ.

ствамъ и создаваемую работой самой правительственной власти. А. Н. выступалъ тогда и въ печати съ предостереженіями, мысль объ этомъ его тревожила и мучила годами. Именно она сдѣлала изъ него человѣка оппозиціоннаго настроенія. Въ молодости, въ разгаръ живыхъ политическихъ и социальныхъ интересовъ молодежи того времени, А. Н. оставался чуждъ этимъ вопросамъ, былъ аполитикомъ по современному выраженію, сторонникомъ чистой культурной работы. И среди всѣхъ другихъ болѣе крупныхъ и глубокихъ явленій, направившихъ его сверстниковъ къ политическимъ и общественно-политическимъ интересамъ и обязанностямъ, къ борьбѣ за освобожденіе—для А. Н. поводомъ перелома его политическихъ воззрѣній явилось чуждое широкимъ кругамъ общества сознаніе внутренней нѣмецкой опасности, пониманіе роли правительства того времени въ ея созданіи. Я живо помню то впечатлѣніе, какое тогда, много больше 20 лѣтъ тому назадъ, произвело на него это бытовое явленіе русской жизни. Онъ весь былъ въ ужасѣ, страхѣ, негодованіяхъ, преувеличеніяхъ, принималъ логическія, возможныя слѣдствія за реальные факты. Какъ наблюдатель быта—географъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, онъ подошелъ случайно къ этому явленію и вдругъ увидѣлъ сознательный по злой волѣ или стихійный, поддерживаемый по легкомыслію, процессъ въ жизни родного народа, къ которому онъ уже въ дальнѣйшемъ не могъ относиться, какъ чуждый текущихъ волненій ученый изслѣдователь. Въ разговорахъ того времени съ А. Н. объ этой нѣмецкой опасности мнѣ живо помнятся бывшія у меня за много мѣсяцевъ или немного лѣтъ передъ тѣмъ яркія впечатлѣнія отъ разговоровъ съ другимъ крупнымъ русскимъ человѣкомъ, историкомъ быта и народныхъ массъ, пришедшимъ къ тѣмъ же выводамъ въ изобилованіи болѣе глубокихъ, сильныхъ и стройныхъ рамкахъ, чѣмъ къ какимъ пришелъ къ нимъ А. Н. Это былъ М. П. Драгомановъ, впервые въ своихъ замѣчательныхъ статьяхъ, болѣе 40 лѣтъ тому назадъ, обратившій вниманіе русскаго общества на происходившій сознательно-стихійный процессъ на грани двухъ крупныхъ національныхъ единицъ, видный для него на протяжении вѣковъ и являвшійся факторомъ, ярко вліявшимъ на ходъ исторіи. Историкъ и натуралистъ-географъ, рѣзко отличные и по личному характеру, и по кругу своихъ интересовъ, и по глубинѣ философско-политическаго образованія, сошлись въ оцѣнкѣ этого событія и для обоихъ сознаніе его значительности, непонятное тогда окружающимъ, сыграло огромную роль во всемъ ихъ политико-общественномъ міровоззрѣніи и въ ихъ созна-

тельной жизни въ обществѣ. А. Н. впервые на этомъ вопросѣ познакомился съ работами и мыслями Драгоманова. Драгомановъ не дожилъ до 1914 года; но передъ А. Н. этотъ годъ открылъ заволоченную туманомъ бездну; для него стало реальностью то, чего онъ страшился, что предвидѣлъ и чему боялся вѣрить. Въ развѣтывавшихся событіяхъ, грандіозныхъ и сами по себѣ, онъ сразу почувствовалъ и то еще болѣе страшное, чего въ нихъ, можетъ быть, и нѣтъ, но что онъ себѣ давно логически, въ образномъ чувствѣ художника, столь въ немъ сильномъ, рисовалъ въ формахъ вѣковѣчной исторической стихійной борьбы двухъ племенъ, спорящихъ за мѣсто на солнцѣ, борьбѣ, въ которой по ея стихійности, онъ не видѣлъ соглашенія.

Передъ усталымъ жизнью, больнымъ человѣкомъ встали грозныя видѣнія, давно глубоко проникшія его живую личность и напрягавшія его силы; они какъ бы становились реальностью. Впечатлѣніе войны было для него слишкомъ сильно...

Но и здѣсь онъ не забылъ другихъ привычныхъ для ученаго интересовъ науки, которой онъ отдалъ всю свою жизнь. Нашъ послѣдній разговоръ былъ болѣе далекъ отъ грозныхъ событій дня. Онъ былъ направленъ на организацію русской науки. Лѣтомъ я прочелъ интересную книгу Оливера *The makers of British botany* и меня заинтересовала въ біографіи англійскихъ ботаниковъ ярко сквозившая отдѣльность развитія ботаники въ Англіи отъ ея развитія на континентѣ, съ одной стороны, и съ другой—рѣзкое отраженіе поколѣніями въ ихъ научной работѣ мірового характера англійской государственной организаціи, того, что мы наблюдаемъ и въ работѣ нѣмецкихъ натуралистовъ въ отличіе отъ работы русскихъ натуралистовъ за послѣднее столѣтіе. Мы не выходили почти за предѣлы Евразіи, англичане и нѣмцы издавна изучали и тропики, и полярныя страны, не оставляли безъ вниманія ни одной страны... Ихъ имена встрѣчаются всюду. Флора всего міра подвергалась на мѣстѣ ихъ изученію. А. Н. съ молодости стремился къ тропикамъ; и въ Россіи въ Батумѣ онъ пытался создать уголокъ природы, столь чуждой привычкамъ и познаніямъ русскихъ натуралистовъ, работающихъ въ области описательнаго естествознанія. Онъ ярко и сильно чувствовалъ то значеніе, которое для развитія русской науки должно имѣть болѣе обычное и болѣе доступное проникновеніе въ новую для насъ зону въ подтропическую природу. Книга Оливера его не удовлетворяла, и онъ считалъ, что она мало даетъ ему новаго и не передаетъ всей оригинальности англійскихъ ботаниковъ систематиковъ въ области географіи

растений, въ которой онъ самъ былъ самостоятельнымъ мыслителемъ. Это былъ нашъ послѣдній разговоръ—о будущей организации русской науки, о необходимости болѣе планомѣрнаго расширенія географической области ея изученія, проникновенія ея въ новыя страны, въ частности, въ области подтропической и тропической природы...

II.

Разговоръ этотъ—послѣднее общеніе съ ушедшимъ другомъ—страннымъ образомъ коснулся—въ другой обстановкѣ и въ другихъ формахъ—тѣхъ стремленій, которыя особенно сильно были у него, но захватывали и меня въ далекіе, съ трудомъ пробирающіеся въ воспоминанія, годы юности и молодости. Старыми мы коснулись въ послѣднемъ свиданіи видѣній молодости.

Еще въ гимназіи, болѣе 35 лѣтъ тому назадъ, когда я познакомился съ нимъ въ 1-ой Петербургской гимназіи, перейдя туда изъ Харьковской, мечты о тропической природѣ, страстное стремленіе ее видѣть и осязать, какъ проявленіе наиболѣе полное жизни, охватывали молодого юношу Андрея. Вижу овальное, очень смуглое лицо, съ ярко блистающими глазами, съ оригинальными медленными, но нервными движеніями, ясной, красивой рѣчью, залетающей все дальше и дальше въ несбыточные мечты подъ вліяніемъ развертыванія своихъ плановъ передъ слушателями. При этомъ онъ откидывался назадъ и очень своеобразно и высоко подымалась его голова. Онъ всегда былъ одной изъ тѣхъ натуръ, для которыхъ обсужденіе своихъ мыслей и плановъ и ихъ развертываніе передъ другими являлось одной изъ формъ творческаго мышленія. Объ этихъ планахъ онъ могъ говорить часами и здѣсь въ бесѣдѣ у него рождались и формулировались мысли и желанія...

Жизнь гимназистовъ и студентовъ того времени (1876—85) проходила въ «кружкахъ». Она скрывалась въ недозволенныхъ формахъ общенія, такъ какъ чрезвычайно рѣдко прорывалась въ явныя общества, къ которымъ мы привыкли послѣ 1905 г. Лишь, какъ исключеніе, въ немногихъ счастливыхъ случаяхъ, она вырывалась изъ рамокъ кружковъ въ открытыя «общества»—какъ это было для нашего студенческаго времени, гдѣ А. Н. принималъ участіе въ Студенческомъ научно-литературномъ обществѣ при Петербургскомъ университетѣ (1882—1887) и въ кружкѣ «Молодыхъ ботаниковъ», болѣе или менѣе легально собиравшихся при содѣйствіи проф. А. Н. Бекетова, подъ кровомъ Петербургскаго Общества Естествоиспытателей. Жизнь

и въ эпоху тяжелѣйшей реакціи всюду пробивалась сквозь обволакивавшій ее густой туманъ угнетенія и, какъ мы теперь видимъ, подготавливала неизбежныя новыя формы быта, болѣе отвѣчавшія второй половинѣ XIX вѣка, чѣмъ тѣ, какія могли свободно развиваться въ тогдашней Россіи. Эти нелегальныя организаціи въ огромномъ, подавляющемъ большинствѣ были чужды политики. Она проникала въ нихъ лишь иногда, подъ вліяніемъ внѣшняго угнетенія.

Гимназическая жизнь того времени, въ ея духовной сторонѣ, сосредотачивалась по классамъ въ кружкахъ, при чемъ тогда еще не было того общенія между разными классами учебнаго заведенія и разными учебными заведеніями, которое развилось позже и, въ концѣ-концовъ, достигло любопытныхъ и своеобразныхъ, обширныхъ организацій, не оставшихся, конечно, безслѣдными въ жизни русскаго образованнаго общества.

Нашъ классъ былъ своеобразенъ по своему составу и интересамъ. Въ немъ было нѣсколько сильныхъ и яркихъ индивидуальностей. Въ немъ была большая духовная жизнь, независимая отъ гимназическаго преподаванія. Преподаваніе въ общемъ стояло тогда очень низко, даже въ столичной гимназіи, гдѣ были отдѣльные недурные учителя (напр., учитель математики Г. П. Верещагинъ, священникъ о. М. Соколовъ) и во главѣ которой стоялъ порядочный человѣкъ и хорошій искренній классикъ (А. И. Чистяковъ). Главнымъ несчастьемъ являлся мертвый духъ преподаванія, огромное количество времени, которое тратилось на древніе языки, преподававшіеся исключительно плохо. Трудно помянуть это преподаваніе чѣмъ-нибудь хорошимъ, хотя среди учителей классическихъ мертвыхъ языковъ въ нашей гимназіи были лично порядочные люди, м. б. даже имѣвшіе познанія въ древнихъ языкахъ—но эти познанія они не могли передавать намъ, такъ какъ не умѣли говорить по-русски, не отличались умомъ и строго держались официальныхъ рамокъ программы, искажившей прекрасный великій міръ Эллады, ея науку, литературу, искусство, разрушившей тѣ стороны исторіи Рима, которыя до сихъ поръ живы въ нашей жизни. Гимназическое преподаваніе эпохи Толстого было классическимъ лишь по названію. Главнымъ несчастьемъ было то, что въ общемъ преподавателями древнихъ языковъ въ это время въ Россіи были или, какъ у насъ, чужіе люди, сторонніе русской жизни и интересовъ нашей страны и потому безсознательно добросовѣстно исполнявшіе антинаціональную официальную программу.

или чиновники-полицейскіе, которымъ никакого дѣла не было до идейныхъ заданій школы, болѣе или менѣе добросовѣстно исполнявшіе предписаніе такого же, какъ они, начальства. Несомнѣнно, другихъ исполнителей для полицейской классической системы Толстого и нельзя было найти. Въ первой гимназій того времени, какъ я теперь вижу, въ общемъ было много лучше, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ — былъ болѣе порядочный составъ преподавателей, не было тѣхъ безобразныхъ злоупотребленій властью, какія калѣчили наше поколѣніе въ другихъ мѣстахъ Россіи. Но наше отношеніе къ гимназій было рѣзко отрицательное. Въ частности, преподаватели классическихъ языковъ, чехъ Ө. Зборилъ и нѣмецъ Э. Керберъ, безбожно калѣча русскій языкъ, съ которымъ, совершенно не зная его, обязаны были сравнивать формы языковъ греческаго и латинскаго, не смогли ничего внести въ нашу среду, хотя, страннымъ образомъ, матеріалъ класса былъ чрезвычайно благопріятенъ для классической школы. Въ его средѣ былъ живой интересъ и къ жизни, и къ культурѣ классическаго міра, и къ древнимъ языкамъ. Нѣкоторые изъ учениковъ знали много больше, чѣмъ сколько требовалось программами и, главное, знали иначе. Среди такихъ знатоковъ классическихъ языковъ вспоминается рано умершій, шедшій своимъ путемъ С. Ф. Энрольдъ, читавшій въ гимназій классиковъ и увлекавшійся Августиномъ, автобіографію котораго онъ читалъ и перечитывалъ въ подлинникѣ. Былъ имъ и А. Н., увлекавшійся Геродотомъ, котораго онъ прочелъ въ гимназій цѣликомъ въ подлинникѣ, и съ увлеченіемъ пытавшійся проникнуть въ картину былаго южной Россіи, которая такъ разнo отъ современной представляется намъ изъ описаній древняго Грека, но въ которой мы можемъ и теперь уловить черты природы, оставшіяся неизмѣнными и въ его описаніяхъ. Къ нимъ позже вернулась научная мысль А. Н., вновь коснувшаяся въ этихъ работахъ умственныхъ впечатлѣній молодости. А. Н. живо чувствовалъ красоту древней литературы; онъ въ гимназическое время въ подлинникахъ читалъ Тацита, Цезаря, Ливія, Помпонія Мелу, поэтовъ, не въ тѣхъ только отрывкахъ, какими давала ихъ намъ школа. Для него это были живыя книги прошлаго, помогавшія ему въ интересахъ дня, какъ, напр., въ тѣхъ вопросахъ о расовой борьбѣ, которые, въ связи съ славянскимъ движеніемъ 1875 г., интересовали нѣкоторыхъ изъ насъ и сказывались въ нашихъ подпольныхъ гимназическихъ журнальныхъ разговорахъ.

Способность къ языкамъ А. Н. была очень велика. Онъ не зналъ иностранные языки въ тѣхъ предѣлахъ и въ тѣхъ формахъ, въ какихъ это было принято, правда, какъ уже исчезающій пережитокъ, въ средѣ средняго русскаго дворянства того времени. Онъ изучалъ языкъ частью въ его строеніи, частью охватывалъ его какъ орудіе, открывавшее доступъ въ новыя области литературы и познанія. Въ гимназіи, кромѣ древнихъ языковъ, онъ направилъ свое вниманіе на языки финскій и шведскій, съ которыми столкнули его лѣтнія, дачныя поѣздки въ Финляндію и въ населенныя финнами окрестности Петрограда. И онъ выучился свободно самому трудному—финскому—языку, переводя въ стихахъ Калевалу. Стихомъ онъ владѣлъ недурно. Позже, уже въ университетѣ, онъ легко—для потребностей ученой работы—овладѣлъ другими, нужными ему, языками романской и германской группы.

Интересъ къ языкамъ сказался и въ чтеніи по языкознанію, которымъ мы пополняли мертвую гимназическую грамматику. А. Н. очень увлекался Максъ Мюллеромъ и колебался одно время между естествознаніемъ и языкознаніемъ.

Несомнѣнно, въ гимназическомъ классѣ онъ являлся самымъ яркимъ носителемъ того духа точнаго наблюденія и любви къ природѣ, который былъ совершенно выброшенъ официальной программой изъ преподаванія. Уже въ 4 и 5 классахъ онъ обладалъ большимъ знаніемъ окружающей природы, любилъ и умѣлъ наблюдать насѣкомыхъ, растить и опредѣлять растенія. Ранней весной начинались поѣздки въ окрестныя мѣста Петрограда—Шувалово, Удѣльную, Парголово, въ поискахъ за весенней флорой и за міромъ насѣкомыхъ. Въ нихъ дѣятельное участіе принималъ другой страстный натуралистъ Е. И. Ремезовъ, теперь докторъ медицины. Для меня эти стремленія были тѣмъ новымъ и большимъ, что дала мнѣ тогда гимназическая жизнь—ибо мои интересы въ это время были въ другой области—въ области философіи, исторіи, географіи, религіи, слав. языковъ. Станнымъ образомъ, стремленіе къ естествознанію дала мнѣ изуродованная классическая Толстовская гимназія, благодаря той внутренней, подпольной, неподозрѣвавшейся жизни, какая въ ней шла, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ ея среду попадали живые, талантливые юноши натуралисты. Въ такихъ случаяхъ ихъ вліяніе на окружающихъ могло быть очень сильно, т. к. они открывали передъ товарищами новый живой міръ, глубоко важный и чудный, передъ которымъ совершенно блѣднѣло сухое и изуродованное преподаваніе официальной школы. Въ нашемъ классѣ такимъ

юношей натуралистомъ былъ Красновъ, уже тогда увлекавшійся ботаникой и энтомологіей, любившій и чувствовавшій живую природу. Онъ любилъ не только собирать коллекціи, онъ любилъ не только опредѣлять растенія и животныя — онъ любилъ наблюдать природу, какъ въ ея свободной обстановкѣ, такъ и устраивать терраріи и акваріи. Яркими дѣтскими воспомина- ніями сохранились въ моей жизни совмѣстныя весеннія и осеннія экскурсіи въ окрестности Петрограда — ловля жуужицъ и бы- стрыхъ *Cicindella*, сборы водяныхъ жуковъ, поиски рѣдкихъ растеній. Впервые въ нихъ, по нашей волѣ, а не въ средней школѣ по традиціонной выучкѣ старшихъ, какъ это должно было бы быть, открывался намъ одинъ изъ основныхъ источни- ковъ воспитанія и жизни — міръ природы, столь мало осознан- ный, къ сожалѣнію, русскимъ обществомъ. А. Н. издавалъ даже одно время въ 4 или 5 классѣ гимназіи рукописный энтомоло- гическій журналъ, въ которомъ помѣщались наблюденія надъ жизнью насѣкомыхъ, какъ его собственныя, такъ и другихъ товарищей. Журналъ богато иллюстрировался... Съ А. Н. мы впервые занимались химіей, дѣлая опыты, не разъ, благодаря ему (экспериментаторъ онъ былъ нетерпѣливый), кончавшіеся взрывами къ ужасу домашнихъ.

Энтомологическій журналъ послужилъ началомъ журналамъ иного типа, которые охватывали не только натуралистовъ. Одно время издавалось даже два журнала, затѣмъ слившіеся въ одно; въ нихъ помѣщались статьи научнаго и беллетристическаго содержанія. А. Н. былъ однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ и редакторовъ; вскорѣ онъ перешелъ къ статьямъ критическаго и историческаго содержанія, которыя стали преобладать въ этихъ изданіяхъ. Черезъ года два ихъ существованія, журналъ попалъ въ руки инспекціи, былъ прекращенъ, хотя въ немъ не было почти никакой политики и въ то же время онъ являлся пре- краснымъ противовѣсомъ тому теченію къ грубому разгулу, который былъ однимъ изъ выходовъ изъ полицейской формы школы.

Прекращеніе журнала совпало съ переходомъ нашимъ въ старшіе классы и съ образованіемъ кружка. Составъ гимнази- стовъ до извѣстной степени отражалъ составъ Петербургскаго общества того времени; это б. ч. были дѣти служилаго класса или людей вольныхъ профессій, въ большинствѣ съ не очень ясными и съ не очень сильными политическими настроеніями. Очень немногіе — какъ исключеніе — приносили въ гимназическую среду отраженіе оппозиціоннаго настроенія своихъ семей. Оно стало

нѣсколько ярче чувствоваться лишь послѣ войны 1877—1878 гг., когда уже начавшееся общественное движеніе стало доходить и до нашей гимназической жизни. Мнѣ пришлось жить въ семьѣ, въ которой очень ярко переживались оппозиціонныя настроенія 1878—1881 гг., но я чувствовалъ все время очень малую почву для нихъ въ товарищеской средѣ. А. Н. же принадлежалъ къ культурной средѣ совершенно другого настроенія (отецъ его былъ ученый генералъ, писатель, донской казакъ, интересовавшійся исторіей роднаго казачества) и въ это время совсѣмъ не былъ затронутъ тѣмъ движеніемъ, которое такъ бурно захватило въ тѣ годы часть молодежи, очень мнѣ кажется небольшую, и еще меньшую часть взрослого общества. Въ тѣсной зависимости отъ настроенія семей, большинство гимназическихъ товарищей, того времени было далеко отъ интересовъ политическихъ или соціальныхъ. Гимназическій кружокъ, который понемногу образовался и выросъ изъ редакцій журнала, старался объединить товарищей на почвѣ дружескаго общенія—сперва на почвѣ шахматной игры, страстнымъ, помнится не очень удачнымъ, любителемъ которой былъ А. Н.—а позже на почвѣ критическихъ обзоровъ литературныхъ произведеній, при чемъ каждый выбиралъ автора по своему желанію. Этимъ объясняется случайность подбора: Достоевскій, а рядомъ Шеллеръ-Михайловъ и Голицынъ-Муравлинъ.

Очевидно, такой кружокъ не могъ быть проченъ—и мало-по-малу сошелъ на нѣтъ по мѣрѣ того, какъ мы росли; событія становились ярче, при переходѣ къ концу царствованія Александра II. Но это общеніе было очень полезно и дало намъ всѣмъ много, такъ какъ въ свободной бесѣдѣ здѣсь сталкивались люди очень различныхъ мнѣній и настроеній и въ то же время въ нашемъ классѣ, среди товарищей А. Н., было нѣсколько человѣкъ очень недюжинныхъ, лишь немногіе изъ которыхъ оставили въ жизни слѣдъ, который могли оставить. Часть очень талантливыхъ людей была забита жизнью—ушла въ наживу или карьеру. Другіе рано умерли. Я уже упоминалъ о своеобразномъ искателѣ правды, острякѣ и весельчакѣ, Энрольдѣ, оригинальной внѣшности — бѣлокуромъ рѣзкомъ долихоцефалѣ. Нельзя не вспомнить еще двухъ-трехъ другихъ—мягкаго, широко образованнаго, тихаго, скромнаго, но очень вдумчиваго Дьяконова, умершаго отъ чахотки очень рано, и физика и математика Тюрина, страннаго, наивнаго и неприспособленнаго къ жизни, нерѣдко страдавшаго отъ насмѣшекъ и шутокъ товарищей, но всегда шедшаго своимъ путемъ и потому постоянно попадав-

шаго въ невѣроятныя положенія. Онъ умеръ уже по окончаніи университета и прошелъ въ нашей жизни непонятый и загадочный, но не безслѣдно для насъ всѣхъ — и для А. Н. — было столкновение и общеніе съ нимъ, какъ со всякой личностью, не подчиняющейся общимъ рамкамъ. Студентомъ умеръ и химикъ Владиміръ Зайцевъ, казалось, здоровый силачъ, неотесанный и мягкій, на видъ слесарь или механикъ, весь ушедшій въ химію. Это былъ богато одаренный, скромный человѣкъ, прошедшій суровую школу жизни, идеалистъ и работникъ. Онъ сгорѣлъ неожиданно и непонятно отъ туберкулеза, оставивъ недоконченную статью и анализы въ трудахъ Нижегородской экспедиціи Докучаева.

III.

Университетъ имѣлъ для насъ всѣхъ огромное значеніе. Онъ впервые далъ свободный выходъ той огромной внутренней жизни, какая кипѣла среди насъ и не могла проявляться въ затхлыхъ рамкахъ гимназіи. Выходъ въ университетъ былъ для насъ дѣйствительно духовнымъ освобожденіемъ, и въ университетскіе года личность А. Н. сразу развернулася чрезвычайно ярко и быстро...

Совершенно неожиданно, повидимому, для гимназическаго начальства значительная часть класса поступила на естественный факультетъ, но не всѣ пошли туда по призванію. Нѣкоторые думали потомъ перейти на медицинскій, другіе хотѣли дополнить рѣзкіе и больно чувствуемые пробѣлы образованія. Наконецъ, иные поступили на естественное отдѣленіе, такъ какъ хотѣли отойти подальше отъ тяжелыхъ воспоминаній о гимназической наукѣ, искали науки новой, запретной для гимназиста того времени. А. Н. былъ въ числѣ немногихъ, которые пошли на естественное отдѣленіе по призванію. Натуралистъ съ дѣтства, онъ впервые въ университетѣ нашелъ наконецъ то, чего такъ давно искалъ его проникавшій въ природу умъ.

Петербургскій университетъ того времени въ физико-математическомъ факультетѣ, на его естественномъ отдѣленіи былъ блестящимъ. Менделѣевъ, Меншуткинъ, Бекетовъ, Докучаевъ, Фаминцынъ, М. Богдановъ, Вагнеръ, Сѣменовъ, Овсянниковъ, Костычевъ, Иностранцевъ, Воейковъ, Петрушевскій, Бутлеровъ, Коноваловъ — оставили глубокій слѣдъ въ исторіи естествознанія въ Россіи. На лекціяхъ многихъ изъ нихъ — на первомъ курсѣ на лекціяхъ Менделѣева, Бекетова, Докучаева открылся передъ нами новый міръ, и мы всѣ бросились страстно и энергично въ научную работу, къ которой мы были такъ несистематично и

неполно подготовлены прошлой жизнью. Восемь лѣтъ гимназической жизни казались намъ напрасно потеряннымъ временемъ, тѣмъ ни къ чему ненужнымъ искусомъ, который заставила насъ проходить вызывавшая глухое наше негодованіе правительственная система. Эти мысли получали яркое выраженіе въ лекціяхъ Д. И. Менделѣева, какъ извѣстно человѣка очень умѣренныхъ, скорѣе консервативныхъ политическихъ взглядовъ, который, однако, больше, чѣмъ кто-нибудь другой возбуждалъ въ насъ духъ свободы и оппозиціоннаго настроенія. Ярко и красиво, образно и сильно рисовалъ онъ передъ нами безконечную область точнаго знанія, его значеніе въ жизни и въ развитіи человѣчества, ничтожность, ненужность и вредъ того гимназическаго образованія, которое душило насъ въ теченіе долгихъ лѣтъ нашего дѣтства и юности. На его лекціяхъ мы какъ бы освобождались отъ тисковъ, входили въ новый, чудный міръ и въ переполненной 7-ой аудиторіи Дмитрій Ивановичъ, подымая насъ и возбуждая глубочайшія стремленія человѣческой личности къ знанію и къ его активному приложенію, въ очень многихъ возбуждалъ такіе логическіе выводы и настроенія, которыя были далеки отъ него самого. Толстой въ своемъ чутьѣ политическаго инквизитора, былъ правъ въ своемъ подозрѣніи къ Менделѣеву и не напрасно онъ не допустилъ какъ-разъ въ это время Менделѣева (властью своей, какъ президента) до баллотировки въ Академію Наукъ и вскорѣ послѣ окончанія нами университета, противъ желанія Дмитрія Ивановича, удалилъ его изъ Петроградскаго университета.

Въ университетской жизни Андрея Николаевича можно кромѣ вліянія науки, въ которую онъ все глубже и глубже проникалъ, отмѣтить вліяніе товарищей какъ личное, такъ и университетскихъ группъ—и вліяніе отдѣльныхъ профессоровъ.

Уже къ концу гимназической жизни образовался у него болѣе тѣсный кружокъ товарищей, интересовавшихся естествознаніемъ, въ которомъ, кромѣ Е. И. Ремизова и меня, былъ старшій по классу, рано умершій ботаникъ, В. Н. Аггеенко. Этотъ тѣсный кружокъ, не собиравшійся регулярно, перешелъ и въ университетскую нашу жизнь, явившись центромъ, помогавшимъ намъ разобраться въ сложномъ, новомъ знаніи, которое было намъ внесено университетомъ. Вмѣстѣ мы дѣлали опыты, читали рефераты, обсуждали новыя книги и прочитанное, готовились къ лекціямъ и экзаменамъ.

Вскорѣ, однако, новыя впечатлѣнія измѣнили этотъ намѣчавшійся тѣсный кружокъ натуралистовъ (куда одно время

примыкали Л. А. Оболяниновъ, теперешній земскій и общественный дѣятель, А. К. Медвѣдевъ, теперь профессоръ фізіологической химіи, Н. Г. Ушинскій, профессоръ фізіологъ и врачъ). Какъ для А. Н., такъ и для его товарищей, начала сказываться специализація интересовъ въ проникновеніи въ научную работу, рѣзко отличную для каждого изъ нихъ. Особенно ярко это сказалось для А. Н. Онъ быстро выдвинулся какъ ботаникъ,

близко сошелся съ А. Н. Бекетовымъ и его семьей, всталъ на ноги, какъ молодой, подающій надежды специалистъ-ботаникъ. Можетъ быть, даже онъ слишкомъ рано вошелъ въ специальную работу, не dokonчивъ систематическаго научнаго образованія. Еще на студенческой скамьѣ и въ ближайшіе годы по окончаніи курса онъ принялъ участіе въ большихъ поѣздкахъ и экспедиціяхъ, гдѣ ему пришлось дѣйствовать болѣе или менѣе самостоятельно — въ области Алтая, Балхаша, Нижегородскую губернію, а затѣмъ въ Киргизскую степь и Тянь-Шань. А. Н. Красновъ, В. И. Вернадскій (спереди),

Е. И. Ремизовъ (сзади).

Богато одаренный, какимъ онъ былъ, онъ прекрасно справился съ сложными задачами, передъ нимъ стоявшими, но, при его увлекающемся характерѣ, раскрывшіеся и манящіе его новые горизонты, въ концѣ-концовъ, оказались ему не по силамъ и въ концѣ своего университетскаго курса, перемѣнивъ свою специальность, сблизившись изъ ботаника географомъ, онъ, какъ мнѣ кажется, сблѣлъ шагъ, который не отвѣчалъ полному развитію его личности. Эти первые успѣхи научной работы во многомъ измѣнили студенческую жизнь А. Н., заставивъ его уже съ 3 курса уйти въ очень трудную самостоятельную работу, требовавшую отъ него много времени и большаго труда. Онъ отходилъ отъ обычной студенческой жизни.

Прежде чѣмъ окончательно сложилась его дѣятельность, онъ столкнулся въ студенческой средѣ съ двумя явленіями, такъ или иначе отразившимися на его духовныхъ интересахъ, хотя и тутъ дѣловитая огромная работа молодого ученаго не позволила ему вполне войти въ раскрывавшіяся передъ нимъ возможности. Въ университетѣ онъ встрѣтился съ живой организаціей, привлекавшей въ свою среду, кажется, всѣхъ безъ исключенія выдѣлявшихся своими научными и литературными интересами студентовъ университета 1882—1887 гг. Этимъ центромъ было Студенческое Научно-Литературное Общество, созданное въ 1882 году, благодаря энергіи и моральной силѣ профессора исторіи русской словесности О. Ф. Миллера, благороднаго, чистаго сердцемъ идеалиста-славянофила. Въ этомъ Обществѣ послѣ сходки 1882 года, вызвавшей сближеніе студентовъ различныхъ курсовъ и факультетовъ, объединились на почвѣ научныхъ, философскихъ и литературныхъ интересовъ всѣ живыя силы студенчества того времени. Если мы взглянемъ сейчасъ на списки дѣятелей этого Общества—особенно на списки его научнаго отдѣла, руководившаго его жизнью,—мы увидимъ въ немъ множество всѣмъ извѣстныхъ теперь именъ ученыхъ, историковъ, натуралистовъ, юристовъ, медиковъ, писателей, общественныхъ дѣятелей. Многихъ уже нѣтъ въ живыхъ—но большинство еще живо и сейчасъ на каждомъ шагу встрѣчается въ передовыхъ рядахъ культурной жизни русскаго общества. Едва ли когда-либо такъ захватывался въ единое цѣлое весь цвѣтъ студенческихъ поколѣній. Общество собиралось большею частью въ аудиторіи ботаническаго кабинета въ отдѣльномъ небольшомъ зданіи, въ Ботаническомъ саду университета, которую ему предоставилъ А. Н. Бекетовъ. Въ этомъ Обществѣ дѣлалъ доклады А. Н. и въ первое время—а можетъ быть и до конца—входилъ въ составъ его научнаго отдѣла.

Черезъ членовъ Общества А. Н. Красновъ сблизился и съ другимъ теченіемъ студенческой жизни. Въ началѣ 1880 годовъ на ряду съ чисто-соціалистическими настроеніями, проникнутыми чувствомъ общественной морали, близкими по философскимъ идеаламъ къ научному позитивизму, связанными съ безразличнымъ или отрицательнымъ отношеніемъ къ религіи, искусству и первое время къ политической жизни, существовали другія теченія, близкія къ данному, но не входившія въ его рамки. Они не отличались отъ перваго своими моральными и демократическими стремленіями, одинаково съ нимъ сходились на необходимости работы для обездоленныхъ, для народныхъ массъ.

въ отрицаніи исторически сложившаго порядка вещей. Но они не могли примириться съ тѣмъ отношеніемъ къ религіи, искусству, философіи, политической жизни, наукѣ, которое было связано съ тогдашними социалистическими настроеніями молодежи. Самъ социализмъ для многихъ считался трудно спредимымъ съ другими дорогими сторонами человѣческаго духа—съ чувствомъ націи или государства, а еще болѣе съ чувствомъ свободы личности и не могъ считаться научно-доказанной истиной или быть принятъ на вѣру, какъ онъ принимался его адептами. Онъ вызывалъ къ себѣ сомнѣнія или споръ. Эти теченія были безформенны, но какъ, разъ къ расцвѣту народовольческаго терроризма и къ моменту, когда складывалась русская социаль-демократія, въ этой средѣ складывались и выяснялись кружки, одни изъ которыхъ привели къ толстовству, другіе создали кадры демократическаго земскаго движенія, приведшіе, въ концѣ-концовъ, на политической почвѣ къ союзу освобожденія и къ конституціонно-демократической партіи. А. Н. при его аполитизмѣ всегда очень сильно чувствовалъ моральную и общественно-моральную подкладку жизни. Онъ отрицательно относился къ социализму уже въ силу очень ярко выраженной у него индивидуальности и дорогой ему идеи государственнаго служенія и чувства національнаго. Поэтому онъ ближе примыкалъ къ теченіямъ, стоявшимъ въ сторонѣ отъ социалистическихъ кружковъ русской молодежи, и особенно къ одному изъ такихъ кружковъ, который въ университетское время ярко выдвигалъ идею личности и ея усовершенствованія и связь ея съ общественностью, какъ моральныя цѣнности. Этотъ кружокъ, въ составъ котораго входили студенты разныхъ факультетовъ, вскорѣ на почвѣ этической выросъ въ болѣе тѣсный кругъ братства, какъ онъ тогда себя называлъ. Теперь не время касаться исторіи этого кружка—немногіе изъ его членовъ пока ушли изъ жизни, какъ недавно *Θ. Θ. Ольденбургъ*¹⁾—но онъ оказалъ несомнѣнное вліяніе на всѣхъ лицъ, въ него входившихъ или къ нему примыкавшихъ. Многіе изъ его членовъ сохранили связь между собою на всю жизнь. Къ этому кружку былъ близокъ въ университетской жизни и А. Н.; однако, онъ не могъ въ него войти тѣсно, частью вслѣдствіе различія во взглядахъ, уже тогда проявлявшагося, но, главнымъ образомъ, потому, что широко развернувшаяся передъ нимъ возможность научной работы, связанная съ далекими путешествіями, рано оторвала его отъ

¹⁾ Объ этомъ кружкѣ см. воспоминанія кн. Д. И. Шаховскаго. «Русскія Вѣдомости». Сборникъ статей. 1863—1913. М. 1913. Отд. II, стр. 198.

интересовъ студенческой жизни и не позволяла слѣдовать за эволюціей кружка, путемъ совмѣстнаго переживанія впечатлѣній жизни, что является необходимымъ элементомъ кружковщины, тѣмъ болѣе той своеобразной формы ея, которая вылилась въ данномъ случаѣ въ «пріютинское братство», какъ тогда мы его называли. Но связь его съ нѣкоторыми членами кружка никогда не порывалась до смерти.

IV.

Новымъ и крупнымъ факторомъ университетской жизни А. Н. была, какъ я указывалъ, ранняя прикосновенность его къ научной работѣ, въ то время болѣе рѣдкая для студента, чѣмъ теперь, и вліяніе двухъ крупныхъ Петербургскихъ профессоровъ того времени—А. Н. Бекетова и В. В. Докучаева. Подъ ихъ вліяніемъ складывалась его научная работа и они вызвали тотъ выборъ новой специальности—географіи—который опредѣлилъ всю его дальнѣйшую судьбу.

А. Н. Бекетовъ, тогда ректоръ университета, былъ живымъ культурнымъ общественнымъ дѣятелемъ, работавшимъ въ тяжелой обстановкѣ безвременья. Его поколѣнію пришлось заканчивать жизнь въ эпоху реакціи, казалось, разрушившей всецѣло все то, чѣмъ начиналась и жила ихъ молодость. Высшіе женскіе курсы, университетъ, Вольное Экономическое и другія ученыя общества, широкая популяризація естествознанія, постоянное общеніе съ молодежью брали большую часть его времени въ теченіе всѣхъ лѣтъ его профессуры. Однако, никогда при этомъ А. Н. Бекетовъ не бросалъ научныхъ занятій, онъ былъ всю жизнь всецѣло преданъ наукѣ. Его лекціи, которыя пришлось слушать намъ въ самомъ началѣ 1880-хъ годовъ въ 1881—1882, давали намъ много—частью, благодаря ихъ рѣзкому отличію отъ гимназическаго преподаванія, частью потому, что въ нихъ чувствовалась самостоятельная научная мысль. Бекетовъ былъ ботаникомъ, сложившимся еще до выступленія Дарвина; при этомъ его мысль независимо работала въ областяхъ смежныхъ съ тѣми, которыя стали господствующими послѣ 1859 года, и къ охватившему науку эволюціонному ученію онъ отнесся какъ самостоятельно мыслившій въ томъ же направленіи послѣдователь. Онъ подходилъ къ эволюціонному ученію до Дарвина и независимо отъ него и навсегда сумѣлъ сохранить къ нему критическое отношеніе чловѣка, самостоятельно обрабатывавшаго окружающія явленія подъ другимъ, независимымъ отъ вскорѣ господствующаго научнаго міровоззрѣнія, близкимъ къ нему, угломъ зрѣнія. Это чувствовалось и въ его бесѣдахъ, въ

его статьяxъ, и въ его лекціяхъ. Я помню, что для насъ на ряду съ тѣмъ новымъ міромъ, какой открывался на его лекціяхъ въ жизни растений, закрытой намъ раньше школьнымъ ученіемъ—эти лекціи были дороги тѣмъ, что онѣ пытались связывать конкретные факты точнаго знанія съ цѣльнымъ и своеобразнымъ философскимъ міровоззрѣніемъ. Станнымъ образомъ у Бекетова сказывалось вліяніе нѣмецкой философіи Фриса (черезъ Шлейдена).

Для А. Н. была, однако, особенно важна другая сторона интересовъ Бекетова, его интересъ къ географіи растений, къ изученію растенія въ его естественной обстановкѣ. Бекетовъ несомнѣнно оставилъ крупный слѣдъ въ томъ теченіи ботанической мысли, которое ярко складывалось въ то время въ Россіи и которое не только было связано съ изученіемъ флоры, но привело къ такъ-называемымъ геоботаническимъ работамъ. Въ область этихъ явленій подъ вліяніемъ А. Н. Бекетова сразу цѣликомъ ушла мысль Краснова.

На этой почвѣ онъ подошелъ къ вопросамъ физической географіи, геологіи, почвовѣдѣнія. На нихъ онъ столкнулся ближе съ В. В. Докучаевымъ.

На А. Н. Красновѣ на всю жизнь сказывалось вліяніе этой еще болѣе крупной личности, чѣмъ А. Н. Бекетовъ. В. В. Докучаевъ, какъ-разъ въ то время дѣлалъ огромное дѣло, пытался направить русскихъ естествоиспытателей на новый путь. И это ему, одному изъ немногихъ, удалось. Профессоръ минералогіи, В. В. Докучаевъ былъ чуждъ той отрасли знанія, преподавать которую ему пришлось по случайности судьбы. По кругу раннихъ своихъ интересовъ это былъ геологъ, интересовавшійся динамической геологіей, геологіей лика земли на русской равнинѣ. Его привлекали вопросы орографіи, новѣйшихъ ледниковыхъ и морскихъ отложеній и отъ нихъ онъ перешелъ къ самому поверхностному покрову, къ почвѣ. Въ ней В. В. угадывалъ новое естественное тѣло, отличное и отъ горной породы и отъ мертвыхъ продуктовъ ея измѣненія. Какъ-разъ въ студенческое время Краснова, съ 1878 г. и, главнымъ образомъ, съ 1881 г. Василій Васильевичъ клалъ основы русскому почвовѣдѣнію, далъ тотъ могучій толчокъ научной мысли и научной работѣ, который чувствуется въ научной жизни до сихъ поръ, уже многіе годы послѣ его смерти. Это былъ русскій самородокъ, шедшій своимъ путемъ, жилось сложившійся въ Россіи, совершенно чуждый западу, котораго не зналъ—какъ и не зналъ иностранныхъ языковъ—и куда попалъ уже къ концу жизни. Онъ не имѣлъ ни широ-

каго образованія Бекетова, ни его интересовъ — но онъ обладалъ волей, широкимъ, оригинальнымъ умомъ и былъ прирожденнымъ натуралистомъ. Уже со студенческой скамьи научная ботаническая работа А. Н. Краснова была въ широкой степени охвачена вліяніемъ Докучаева. Вскорѣ онъ принялъ участіе въ его земскихъ экспедиціяхъ въ Нижегородской и позже въ Полтавской губерніяхъ.

И А. Н. Бекетовъ, и В. В. Докучаевъ мало интересовались политикой, отъ которой они стояли, какъ огромное большинство русскаго общества того времени, совершенно въ сторонѣ. Это были чисто культурные общественные дѣятели. Если фактически они увеличивали силу общества, приводили къ новымъ формамъ общественной и государственной жизни — они не это имѣли въ виду при своей дѣятельности. Въ тяжелое время, переживавшееся въ то время университетомъ, особенно Петербургскимъ послѣ 1881—1887 гг., они оба старались спасти, что можно, путемъ всякихъ уступокъ. Помню характерные разговоры въ этомъ смыслѣ съ В. В. Докучаевымъ въ эпоху ректорства проф. Владиславева или въ тѣ дни, когда серьезно подымался вопросъ о переводѣ Петербургскаго университета въ Аракчеевскую вотчину — Грузино... Оба сохраняли связь съ министромъ Деляновымъ и старались и въ эпоху университетской реакціонной реформы 1884 г. сдѣлать, что можно.

Къ числу такихъ новыхъ творческихъ начинаній въ высшей школѣ въ это время было и созданіе кафедры географіи въ университетахъ. И А. Н. Бекетовъ, и В. В. Докучаевъ оба старались сдѣлать, что можно, лучшаго изъ этой кафедры и подъ ихъ вліяніемъ талантливый ихъ ученикъ А. Н. Красновъ былъ направленъ на работу въ этомъ новомъ пути. Сейчасъ виднѣе, чѣмъ прежде, насколько ошибочно была съ самаго начала поставлена организація этого дѣла, требовавшая невозможныхъ знаній отъ представителя кафедры. Прошло уже около 30 лѣтъ — но кафедра географіи въ университетахъ въ общемъ не стала вполнѣ на ноги. И сейчасъ, какъ и тогда, стоитъ передъ ней та же задача — созданіе географическихъ отдѣленій и раздѣленіе цикла географическихъ наукъ между нѣсколькими преподавателями...

Несомнѣнно, тогда можно было думать, что стоитъ начать, а затѣмъ жизнь улучшить и разовьетъ начатое. Такъ и думали многіе. Въ числѣ самыхъ первыхъ молодыхъ ученыхъ, посланныхъ Деляновымъ за границу для подготовленія къ этой новой кафедрѣ, былъ, по рекомендаціи А. Н. Бекетова и В. В. Доку-

Проф. А. Н. Красновъ на ботанической экскурсіи съ слушателями рабочихъ курсовъ.

чева, отправленъ и А. Н. Красновъ. Изъ прилагаемыхъ отрывковъ переписки моей съ нимъ изъ того времени (1888) видно, какъ сознательно и какъ серьезно онъ готовился къ этому новому дѣлу. Можно даже сказать, что онъ во всей своей жизни, какъ рѣдко кто, остался вѣренъ своему молодому плану и провелъ его до конца безъ большихъ измѣненій. И если, несмотря на это онъ къ концу жизни вновь вернулся къ ботаникѣ и всю жизнь работалъ съ чувствомъ неудовлетворенія и сомнѣнія въ правильности выбраннаго жизненнаго пути, причиной этого являлись не его личныя свойства, а неправильность общей постановки взятой имъ на себя задачи, требовавшей отъ человѣка соединенія несоединимаго.

■ 1916. Петроградъ.

В. И. Вернадскій.